

Перенесение мощей святого отца нашего Иоанна Златоустого

Память 27 января/9 февраля

После того как прошло тридцать и даже более лет со времени кончины¹ великого вселенского учителя, святого Иоанна Златоустого, в городе Команах², - святейший Прокл, бывший некогда учеником его, а затем заместителем, его престола³, совершая летом, в память его, богослужение в Великой Константинопольской церкви, произнес слово к народу, прославляя угодника Божьего многими похвалами.

"Никто не может, - говорил он, - восхвалить святого Иоанна по достоинству, - разве только другой бы такой же Иоанн ныне явился. Подобно переполненной водами реке, память его, слагающаяся из воспоминания его бесчисленных трудов, подвигов и наставлений, напаяет души верных. В нем сияют лучи благодати Божьей, в которых одному с ясностью является солнце Божества, другому представляется очищение православия от ересей, иному показывается гибель идолов, для иного обнаруживается лживость заблуждений, иной видит утверждение веры и исправление нравов, для иного блистают небесные венцы. О, архиерей, память которого подобна исполненному благоуханий воздуху! О, имя Иоанново, соответствующее делам! О прозвание Златоустым, явственно показывающее, каким он был в проповеди слова Божьего! О, язык, высший небес! О,

учитель, распространяющий евангельские громы! Это - Иоанн, подобный Иоанну Предтече Господнему, проповедовавшему покаяние. Тот был проповедник, этот - богогласная труба. Тот был непоколебим, этот непобедим. Тот - девственник, этот - защитник чистоты. Тот крестил в пустыне, этот в городе расстилал мысленные сети. Тот обличал прелюбодея, этот грозно обличал хищников. Тот был брошен в темницу, этот заточен в изгнании. Тот был усечен мечом, этот желал принять такую же смерть за истину. Много у него было подвигов на земле; много венцов уготовано ему на небе. Иоанн ныне взывает вместе со святым апостолом Павлом: я - Христово благоухание (2Кор.2:15), ибо я все места очистил от заблуждений, как бы от зловония: в Ефесе я устранил обманы Мида, во Фригии матерь ложных богов я сделал бесчадною, в Кесарии я разорил народные блудилища, в Сирии я упразднил богопротивные сонмища, в Персии я посеял семя благочестия. Повсюду я насадил корни православной веры; весь мир посредством своего учения я просветил познанием Бога. Составляя книги, я всюду распространил сети спасения. С Иоанном Богословом я богословствовал о Слове Отчем. Вместе с рыбаками я бросил в мир мрежи православия. - О, Иоанн! Жизнь твоя по истине была исполнена скорби, но смерть твоя почетна, гроб твой славен, награда твоя велика!"

Когда беседовал так Святой Прокл в церкви, народ, горевший любовью к святому Иоанну Златоустому, не мог дожидаться конца беседы, но громким голосом все, точно одними устами, взывали к святейшему Проклу, прося его поторопиться возвращением святых мощей Иоанна из Коман в Константинополь. Громкие клики раздавались в церкви так долго, что патриарх не мог окончить своей беседы. Тотчас после отпуска церковного, святейший Прокл отправился к царю Феодосию⁴, сыну Аркадия, внуку Феодосия Великого, и просил его о перенесении честных мощей Иоанна Златоустого, говоря:

- Возврати, царь, евангельски родившего тебя святым крещением и святительскими руками внесшего тебя в церковь, как некогда старец Симеон Господа. Церковь взывает к тебе: красота моя поблекла, уста закрылись, великолепие омрачилось. Дикий вепрь растерзал пастырей Златоустовых овец, и кровожадные звери уничтожили плоды уст моих. Зависть осквернила святыню служителя моего; как в лесной дубраве секирами, отсекали его от меня и заключили его в гробе молчания. Друзья еретиков говорили между собою: заградим уста, говорившие многое против нас. Посрамим его речи, ибо никто уже не сможет так учить и никто уже не возразит нам. Доколе, царь, будет враг поносить меня ради Златоустого? Возврати мне того, который был подобием Жениха моего Христа. Даруй мне, своей матери, твоего духовного отца. Хотя и отстранила его от меня твоя плотская мать, но ты не следуй ее немилостивому сердцу и дурному намерению, а поревнуй святыне духа, без которой никто не увидит Господа. Прошла слава Евдоксии⁵, а Церковь всегда пребывает. Я - твоя мать на вечные времена. Дай мне возможность повсеместно распространять радость возвращением Златоустого, и ты будешь иметь во мне ходатаицу о тебе пред Богом. Приобрати душу Златоустого в качестве молитвенницы о тебе. Будь сыном правды, утверждаемым отеческою молитвою!

Так, сказав многое от лица Церкви, он склонил царя к согласию. Были посланы в Команы почетнейшие мужи с серебряною ракою, чтобы перенести святые мощи Иоанна Златоустого с великим почетом. Когда они прибыли туда и показали царское послание команскому епископу и всему народу, наступила великая скорбь между людьми, печаль и рыдание по поводу лишения такого Великого сокровища. Народ не хотел отдавать святых мощей. Много рассуждали по этому поводу; однако, не могли противиться царскому повелению. Когда же посланные царем люди хотели взять из гроба святые мощи, они тотчас стали тяжелее камня и всякой другой тяжести, так что, при всех усилиях, невозможно было сдвинуть их с места. Посланные много потрудились, но ничего не достигли. Поняв из этого, что святой не соизволяет, чтобы его мощи были взяты оттуда, они тотчас письменно известили об этом царя. Царь, посоветовавшись с святейшим патриархом и другими святыми мужами, понял свою ошибку, - именно, что он не с молением, а с повелением послал взять из Коман мощи святого Иоанна. Он задумал написать к нему послание, как бы

к живому, прося прощения за свое дерзновение и умоляя его, чтобы он соизволил возвратиться на свой престол и утешить свое стадо. Он написал своею рукою следующее:

"Вселенскому учителю и духовному моему отцу, святому Иоанну Златоустому, Феодосий царь: твое честное тело, честнейший отец, признав как бы бездушным, подобно телам прочих умерших, я повелел немедленно перенести к нам, но не получил желаемого по причине моего недостойства. Ныне же к тебе, как к живому, посылаю сию мою собственноручную просьбу и с верою прошу прощения мне и людям твоим. Прости мне дерзновенно предпринятое начинание, покрыв его глубиною твоей мудрости. Ты, учивший всех покаянию, прости кающегося. Как детям, любящим отца, возврати нам отца и обрадуй пришествием твоим любящих тебя. Помимо великой нужды, усердно умоляю тебя придти к нам, а не повелеваю. Не посрами меня вторично, честнейший отец! Даруй себя желающим тебя видеть: возвратись с миром к себе, и свои примут тебя с любовью".

Написав это послание, царь отдал его скороходам и повелел, открыв гроб святого, положить его на груди святого и затем совершить всенощное бдение. Когда присланное царем в Команы царское письмо было положено на груди святого Иоанна и когда, затем, по совершении всенощного бдения, царские мужи коснулись честных мощей, Святой тотчас отдался им: он стал так же естественно легок, как и был. Присланные обрадовались и, взяв из гроба честные мощи, положили их в царскую раку. Там находился один убогий человек, имевший от укушения змеи хромую ногу и живший при церквах, прося милостыни. Он взял небольшой покров от гроба святого и отер им свою ногу. Тотчас нога его стала крепка, как и другая, и он стал ходить, прославляя Бога. Весь народ собрался со свечами для поклонения честным мощам святого и проводил их, при перенесении, с обильными слезами и рыданиями. Царские люди отправились в путь и, прошедши беспрепятственно большое расстояние, достигли Халкидонской пристани⁶. На встречу святым мощам вышли царь со всем синклитом, патриарх с клиром и бесчисленное множество народа, севшего на корабли. Был приготовлен особый царский корабль для принятия честных мощей Иоанна, в который и была поставлена рака с мощами. Когда возвращались в Константинополь, поднялась внезапно, по Божьему попущению, буря на море. Все корабли были разбросаны туда и сюда; корабль же, на котором была рака с мощами святого, лишившись руля, носился сам по себе, невидимо управляемый не человеческою рукою, а Божьей силою. Он пристал к берегу в том месте, где находился виноградник вдовицы, за который Святой Иоанн Златоустый претерпел столько бедствий и самое изгнание. Так он и по смерти явил ревность по правде и изобличил несправедливо причиненную обиду. Тотчас море затихло, корабли сошлись в одно место неповрежденными, и никто не пострадал от морского волнения.

Когда рака с мощами была перенесена с корабля на берег, поднялся весь город и вышел со свечами, кадилами и песнопениями. Клирики, взяв раку, внесли ее первоначально в церковь святого апостола Фомы, а затем в церковь Ирины, иначе называемую церковью мира Христова. Здесь царь и патриарх открыли раку и нашли тело святого Иоанна подобным виноградной лозе, цветущим красотою и нетлением и издающим великое благоухание. Царь, сняв свою багряницу, простер ее над мощами, а затем, припав на перси святого, со слезами говорил:

- Прости, отче, прегрешение, причиненное тебе завистью. Не считай меня сообщником греха моей матери и не допусти, чтобы я страдал от оскомины за родительскую невоздержность. Хотя я и сын твоей гонительницы, однако, я неповинен в причиненном тебе бедствии. Прости ей согрешение, чтобы и я был свободен от упрека, тяготеющего на ней. Преклоняю свой сан к ногам твоим и всю мою власть подчиняю твоему молению. Прости оскорбившую тебя безрассудным насилием, ибо она раскаялась в сделанном тебе и просит прощения, обращаясь к тебе со смирением моими устами так: помяни, отче, твое учительное слово о непамятозлобии и сам забудь мою злобу. Я хочу восстать от падения, но подай мне руку, ты, говоривший: если кто пал однажды, встань и спасешься. Я не могу перенести твоего недовольства мною; даже гроб мой сотрясается, сокрушая мои кости. Боюсь я и вечной казни и того, чтобы не быть устраниною от стояния одесную на

страшном суде Христовом. Многих спас ты своими поучениями; да не буду я одна лишена того же спасения. Не оставь меня, зовущей тебе в след, но отомсти за меня врагу моему - дьяволу, ибо это он научил меня оскорбить тебя, как некогда научил Еву согрешить Богу. Не гневайся на меня, незлобивый; непамятозлобствовавший в жизни тленной, не памятозлобствуй и в нетленной. если я, живя временною жизнью, причинила тебе зло, то ты, живя вечною жизнью, будь полезен душе моей. Миновала моя слава, и ничто мне не помогло; помоги же мне ты, отче, во славе своей, которую ты принял от Бога, и прежде чем я буду осуждена на страшном суде Христовом, прости меня безответную.

Говоря эти слова от лица своей матери, царь не переставал плакать, но орошал слезами тело святого, и лобызал его со страхом. Также и святейший Прокл, с любовью лобызая тело святого, взывал:

- Радуйся, христолюбивый отче, сладчайший учитель! Я твое чадо, воспитавшееся от твоего духовного млека. Как ты был прежде меня пастырем, так и ныне ты пастырь: мои овцы суть твои; на твоей пажити доселе питается твое стадо и, стремясь к тебе, не желает следовать другим пастырям. Яви же нам лице твое, и снова заставь услышать голос твой.

Весь народ стремился хотя прикоснуться только к честной раки святого и не отходил от нее день и ночь. На утро мощи святого были возложены на царскую колесницу и отвезены с великою честью и славою в великую соборную церковь святых Апостолов. Когда рака была внесена внутрь и поставлена на патриаршем престоле, весь народ восклицал как бы едиными устами:

- Прими престол свой, отче!

Тогда патриарх Прокл, а с ним и многие достойнейшие мужи увидели, что Святой Иоанн, раздвинул свои мертвые уста, как бы живой, произнес архиепископское благожелание:

- Мир Всем!

Во время совершения святой литургии, много чудесных исцелений было подаваемо от святых Златоустовых мощей болящим, а равно и гроб царицы Евдоксии остановился от своего долговременного сотрясения. Пресвитеры положили святое тело Иоанна в алтаре под жертвенником, с весельем и радостью прославляя Христа Бога, с Отцом и Святым Духом превозносимого во веки. Аминь.

Тропарь, глас 2:

Уст твоих якоже светлость огня возсиявши благодать, вселенную просвети: не сребролюбия миру сокровища сника, высоту нам смиренномудрия покажи. Но твоими словеса наказуя, отче Иоанне Златоусте, моли Слова Христа Бога, спастися душам нашим.

Кондак, глас 1:

Возвеселися таинственно честная церковь, возвращением честных твоих мощей, и сия сокрывши яко злато многоценное, поющим тя неоскудно подавает молитвами твоими исцелений благодать, Иоанне Златоусте.

---

1 Святой Иоанн Златоустый скончался в 407 году, около 60 лет от роду. Архиепископом Константинопольским он был шесть с половиною лет, в заточении провел три года и три месяца. (Ради праздника Воздвижения Креста Господня, Церковь совершает память святого Иоанна Златоустого не в 14-й День сентября, когда святитель преставился, но в 13-й День ноября Кроме сего, память Златоустого чествуется еще 30-го января вместе со святителями Василием Великим и Григорием Богословом (См о сем под 30-м числом сего месяца).

2 Команы - город в провинции Понт, на северо-востоке Малой Азии, ныне на этого города - одни развалины.

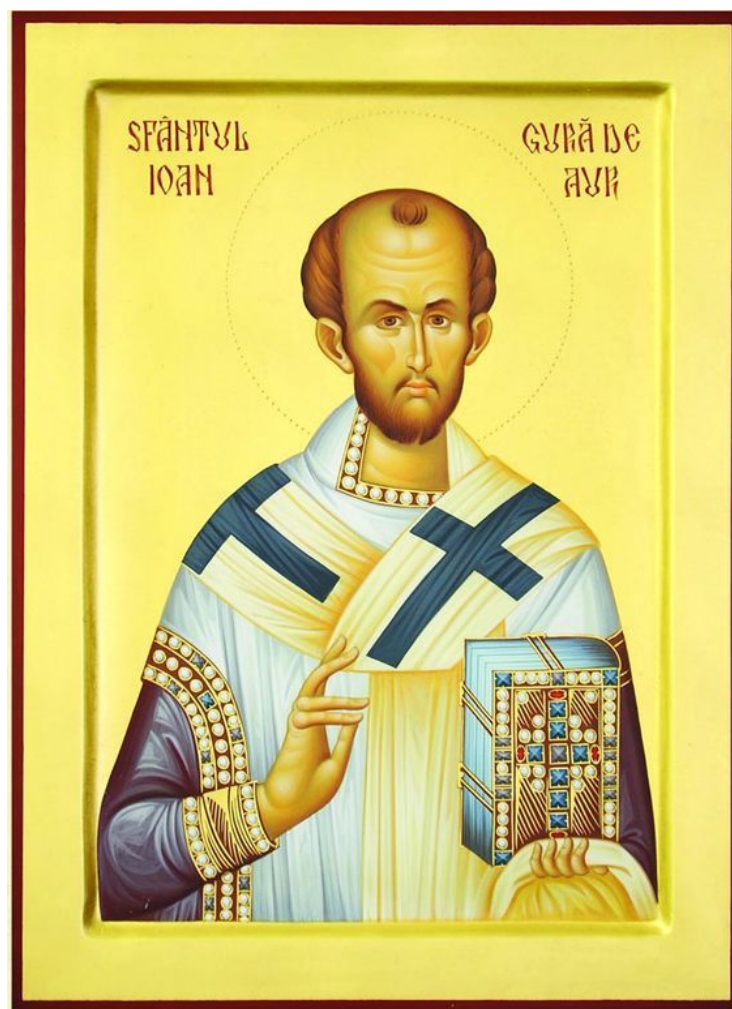
3 С 437 по 445 г. - Память его празднуется Церковью 20-го ноября.

4 Император Феодосий II Младший царствовал с 408 по 450 год.

5 Евдоксия, - жена императора Аркадия; она особенно сильно враждовала против Иоанна Златоустого и ненавидела его за его обличительные речи. Ее старанием и происками Святой Иоанн был лишен архиепископского престола и заточен в Команы.

6 Халкидон находился против Константинополя, на Азиатском берегу Босфора.

святитель Иоанн Златоуст
Беседы на Евангелие от Матфея

Беседа 1

Для чего дано священное Писание. – Когда и как даны были ветхий закон и новый завет. – Почему Матфей назвал свой труд евангелием. – Почему евангелие было писано четверыми. – Незначительные разногласия в повествованиях евангелистов служат доказательством их истинности. – В главном и существенном евангелия вполне согласны. – Различие целей написания четырех евангелий. – Согласие евангелистов подтверждается сродством каждой части их писаний с целым, а равно и принятием их **проповеди** всею вселенной. – Истина еванг. проповеди доказывается превосходством ее над учением философов и ее удобоприемлемостью для людей всякого звания и возраста. – Ошибочное мнение о простоте и легкости изъяснения евангелия Матфея. – Указание недоумений, представляющихся в самом начале евангелия. – Увещание слушателям быть внимательными к изъяснению, с усердием посещать храм вместо

зрелищ, изучать относящееся к жизни небесной и наблюдать в храме тишину и молчание.

ПО НАСТОЯЩЕМУ, нам не следовало бы иметь и нужды в помощи Писания, а надлежало бы вести жизнь столь чистую, чтобы вместо книг служила нашим душам благодать Духа, и чтобы, как те исписаны чернилами, так и наши сердца были исписаны Духом. Но так как мы отвергли такую благодать, то воспользуемся уж хотя бы вторым путем. А что первый путь был лучше, это Бог показал и словом и делом. В самом деле, с Ноем, Авраамом и его потомками, равно как с Иовом и Моисеем, Бог беседовал не чрез письмена, а непосредственно, потому что находил их ум чистым. Когда же весь еврейский народ пал в самую глубину нечестия, тогда уже явились письмена, скрижали и наставление чрез них. И так было не только со святыми в Ветхом Завете, но, как известно, и в Новом. Так и апостолам Бог не дал чего-либо писанного, а обещал вместо писаний даровать благодать Духа.

«Утешитель же, Дух Святый, – сказал Он им, – ...напомнит вам всё» (Ин. 14:26). И чтобы ты знал, что такой путь (общения Бога со святыми) был гораздо лучше, послушай, что Он говорит чрез пророка: «Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет... вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу...» (Иер. 31:31, 33) «и будут все научены Богом» его (Ин. 6:45). И Павел, указывая на это превосходство, говорил, что он получил закон (написанный) «не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца» (2Кор. 3:3). Но так как с течением времени одни уклонились от истинного учения, другие от чистоты жизни и нравственности, то явилась опять нужда в наставлении письменном. Размысли же, какое будет безрассудство, если мы, которые должны бы жить в такой чистоте, чтобы не иметь и нужды в Писании, а вместо книг представлять сердца Духу, – если мы, утратив такое достоинство и возымев нужду в Писании, не воспользуемся, как должно, даже и этим вторым врачевством. Если достойно укоризны уже то, что мы нуждаемся в Писании и не привлекаем к себе благодати Духа, то какова, подумай, будет наша вина, если мы не захотим воспользоваться и этим пособием, а будем презирать Писание, как излишнее и ненужное, и таким образом навлекать на себя еще большее наказание? Чтобы этого не случилось, вникнем тщательнее в то, что написано, и рассмотрим, как дан был Ветхий закон, и как – Новый Завет. Итак, каким образом, когда, и где дан был древний закон? После гибели египтян, в пустыне, на горе Синае, в огне и дыме, выходившем от горы, при звуке трубы, среди грома и молний, по вшествии Моисея в самый мрак. А в Новом Завете не так: не в пустыне, не на горе, не среди дыма и мрака, тьмы и бури, а при наступлении дня, в доме, когда все сидели вместе, – все

происходило при глубокой тишине. Для людей грубых и необузданных нужны были чувственные поразительные явления, как пустыня, гора, дым, трубный звук и тому подобное; для людей же более возвышенных, более покорных и ставших выше чувственных понятий, ни в чем таком не было нужды. Если же и над апостолами был шум, то не ради них, а ради присутствовавших иудеев, ради которых явились и огненные языки. В самом деле, если последние несмотря и на это говорили [про апостолов], что они «**напились сладкого вина**» (Деян. 2:13), то тем более сказали бы так, если бы не видели ничего подобного. Далее, – в Ветхом Завете Бог сошел, когда Моисей взошел [на гору] (Исх. 19:3); здесь же Дух сошел, когда наше естество вознеслось на небо, а лучше сказать – на царский престол. Если бы Дух был меньше, то явления [сопровождаящие Его пришествие] не были бы более величественными и чудесными, а между тем новозаветные скрижали гораздо превосходнее ветхозаветных, равно как и события славнее. В самом деле, апостолы не с горы сошли с каменными досками в руках, подобно Моисею, а неся в душе своей Духа, и всюду ходили, источая сокровище и источник учений, даров духовных и всяких благ, став по благодати одушевленными книгами и законами. Так они привлекли [к вере] три тысячи, так – пять тысяч, так – все народы вселенной, потому что устами их говорил ко всем приходящим к ним Бог (Деян. 2:41, 4:4). Так и Матфей, исполнившись Духа Божия, написал книгу, – Матфей мытарь; я не стыжусь называть по занятию ни его, ни других апостолов, потому что это больше всего и обнаруживает и благодать Духа, и их собственную добродетель.

2. Свое произведение Матфей справедливо назвал Евангелием. В самом деле, он всем, – врагам, невеждам, сидящим во тьме, – возвещает конец наказания, разрешение грехов, оправдание, освящение, искупление, усыновление, наследие небес и сродство с Сыном Божиим. Что же может сравниться с таким благовестием? Бог на земле, человек на небе; все в соединении: ангелы составили один лик с людьми, люди соединились с ангелами и прочими горними силами. Очевидно стало, что древняя брань прекратилась, что совершилось примирение Бога с нашим естеством, дьявол посрамлен, демоны изгнаны, **смерть** связана, рай отверст, клятва упразднена, грех истреблен, заблуждение удалено, возвратилась истина, повсюду сеется и растет слово благочестия, небесная жизнь насаждена на земле, горние силы пребывают в дружественном общении с нами, ангелы непрестанно сходят на землю, и великая явилась надежда на будущее. Вот почему Матфей и назвал свою историю Евангелием, как бы [давая разуметь, что] все другое, как, например, богатое имущество, величие власти, начальство, слава, почести, и все прочее, почитаемое людьми за благо, составляет одни

лишь пустые слова, а обетования, данные через рыбаков, должны называться в собственном и преимущественном смысле благовестием. И это не потому только, что они – блага прочные и постоянные и превосходят наше достоинство, но и потому, что они даны нам без всякого труда с нашей стороны. Не трудами и потом, не усилиями и страданиями получили мы то, что имеем, а единственно по любви к нам Бога. Но почему, спросим, при столь великом числе учеников, пишут только двое из апостолов и двое из их спутников, – так как кроме Иоанна и Матфея написали Евангелия один ученик Павла, а другой ученик Петра. Потому, что они ничего не делали по честолюбию, но все для пользы. Что же? Разве один евангелист не мог написать всего? Конечно, мог; но когда писали четверо, писали не в одно и то же время, не в одном и том же месте, не сносаясь и не сговариваясь между собою, и, однако, написали так, как будто все произнесено одними устами, то это служит величайшим доказательством истины.

И, однако, скажешь ты, случилось противное, так как они часто обличаются в разногласии. Но это-то самое и является вернейшим знаком истины. В самом деле, если бы они были до точности согласны во всем – и касательно времени, и касательно места, и самых слов, то из врагов никто бы не поверил, что они написали Евангелия не сошедшись между собой и не по обычному соглашению, и что такое согласие было следствием их искренности. Теперь же представляющееся в мелочах разногласие освобождает их от всякого подозрения и блистательно говорит в пользу писавших. Если они, относительно места и времени, кое-что написали различно, то это нисколько не вредит истине их повествований, что мы и попытаемся, с Божьею помощью, доказать впоследствии. Теперь же просим вас заметить, что в главном, заключающем основание нашей жизни и составляющем сущность [проповеди](#), они нигде один с другим ничуть не разногласят. В чем же именно? В том, что Бог стал человеком, творил чудеса, был распят, погребен, воскрес, вознесся на небо и придет судить; что Он дал спасительные заповеди, ввел закон, не противный ветхозаветному; что Он – Сын, едиnorodный, истинный, единосущный Отцу, и тому подобное. Во всем этом мы находим у евангелистов полное согласие. Если же относительно чудес не все всё сказали, а один описал одни, другой – другие, то тебя это не должно смущать. Если бы один евангелист сказал все, то были бы излишни остальные; если бы каждый написал различное и новое сравнительно с другими, то не очевидно было бы доказательство их согласия. Вот почему они сказали о многом и сообщая, и каждый из них выбрал нечто особое, чтобы не оказаться, с одной стороны, излишним и писавшим без цели, а с другой – чтобы представить нам верное доказательство истины своих слов.

3. Так Лука указывает и причину, по которой он приступает к писанию Евангелия. Чтобы ты имел, говорит, «**твердое основание того учения, в котором был наставлен**» (Лк. 1:4), т. е. чтобы ты удостоверился в том, чему часто был поучаем, и пребывал в твердой уверенности. Иоанн сам умолчал о причине (написания им Евангелия), но, как говорит дошедшее до нас от отцов предание, и он приступил к писанию не без причины. Так как первые три евангелиста по преимуществу старались изложить историю земной жизни Христа, и учению о божестве Его угрожала опасность остаться нераскрытым, то Иоанн, побуждаемый Христом, приступил наконец к написанию Евангелия. Это видно как из самой истории, так и из начала Евангелия. Он начинает не с земного, подобно прочим евангелистам, а с небесного, которое он по преимуществу имел в виду, и для того составил всю книгу. Впрочем, не только в начале, а и во всем Евангелии он возвышеннее прочих. Равным образом и Матфей, как говорят, по просьбе уверовавших иудеев, пришедших к нему, написал им то, что говорил устно, и составил Евангелие на еврейском языке. Тоже самое сделал, по просьбе учеников, и Марк в Египте. Вот почему Матфей, как писавший для евреев, не старался показать ничего более, как происхождение Христа от Авраама и Давида; между тем как Лука, писавший для всех вообще, возводит родословие выше, доходя до Адама. Затем, первый начинает с рождения Иисуса Христа, поскольку для иудея не могло быть ничего приятнее, как сказать ему, что Христос есть потомок Авраама и Давида, а второй не так начинает, а упоминает предварительно о многих других событиях и затем уже приступает к родословию. Что касается согласия евангелистов, то мы можем доказать его и свидетельством всей вселенной, принявшей их писания, и свидетельством самих даже врагов истины. После евангелистов родилось много ересей, учивших противно их писаниям; одни из них приняли все сказанное в последних, а другие принимают только часть, отделив ее от прочего. Если бы в писаниях евангелистов было несогласие, то ни ереси, утверждающие противное им, не приняли бы всего, а только ту часть, которая казалась бы им согласной, ни принявшие только часть, не были бы изобличаемы этой частью, так как и самые малые части в писаниях евангелистов ясно обнаруживают свое сродство с целым. Подобно тому, как если ты возьмешь, например, часть ребра, и в этой части найдешь все, из чего состоит целое животное – и нервы, и жилы, и кости, и артерии, и кровь, словом, все существенные части телесного состава, так точно и в Писании можно видеть то же самое: и здесь всякая часть написанного ясно показывает сродство с целым. Если бы евангелисты разногласили, то не оказывалось бы и такого сродства, и самое учение их давно бы рушилось, так как «**всякое царство, разделившееся само в**

себе» не устоит (Мф. 12:25; Мк. 3:24). Теперь же, если и есть у них какие разногласия, этим только ясно обнаруживается сила Духа (Святого), убеждающая людей, чтобы они, держась необходимого и главного, нисколько не смущались ничтожными несогласиями.

4. Где писал каждый из евангелистов, – этим вопросом заниматься нам нет особенной нужды; но что они не противоречили друг другу, это мы постараемся доказать во всем нашем толковании. Если ты обвиняешь их за разногласие, то делаешь не что иное, как заставляешь их говорить одними и теми же словами и употреблять один и тот же способ выражения. Я не говорю уже о том, что и многие из величающихся знанием риторики и философии, написав много книг об одних и тех же предметах, не только разногласили, но и противоречили друг другу, – иное ведь дело – разногласить, другое дело – противоречить. Об этом я уже не говорю: я не имею нужды пользоваться их неразумием для защиты (евангелистов) и не хочу подтверждать истины ложью. Но вот о чем охотно спросил бы я: как заслужили веру разногласящие писания? Как они одержали победу? Как могли заслужить удивление, веру и славу по всей вселенной люди, противоречившие один другому? Свидетелями их проповеди были многие; многие притом были врагами и противниками. Написав Евангелия, они не скрыли их в одном уголке вселенной, а распространяли их всюду, на суше и море, в слух всех; как и теперь, они читаемы были и в присутствии врагов, и ничто из сказанного в них никого не соблазняло. И вполне естественно, потому что все во всех производила и совершала божественная сила. Иначе, каким образом мытарь, рыбарь неученый могли бы так мудрствовать? Чего некогда языческие мудрецы не могли и во сне представить, о том они проповедуют с великой уверенностью и убедительностью, – и не только при жизни, но и по смерти, – не двум, не двадцати человекам, не сотням, не тысячам и десяткам тысяч, а (целым) городам, племенам и народам, суше и морю, Греции и странам варварским, земле обитаемой и пустыне, возвещая учение, много превышающее наше естество. Оставив земное, они говорят только о небесном, предлагают нам другую жизнь и новый образ жизни, иное богатство и иную бедность, иную свободу и иное рабство, иную жизнь и смерть, иной мир, иной устав жизни, – все иное. (Они преподают правила жизни) не так, как Платон, составивший пресловутую «Политию», или Зенон, и другие писавшие об общественном устройстве и составители законов. Все они самими произведениями своими доказали, что их душе внушал злой дух, лютый демон, воюющий против нашего естества, враг чистоты, противник благонравия и низвратитель всякого порядка. В самом деле, что еще можно сказать про них, когда они предписывали всем иметь общими жен, выводить напоказ мужчинам обнаженных

девиц во время ристалищ, учинять украдкой браки, когда они ниспровергли и уничтожили всякий порядок и извратили уставы самой природы? Что все это – изобретения демонов и противно природе, об этом может свидетельствовать нам сама природа, которая не терпит ничего такого. И они писали об этом не среди гонений, не среди опасностей, не среди браней, а с полной безопасностью и свободой, часто пользуясь, кроме того, еще многими прикрасами. А между тем **проповедь** рыбаблей, гонимых, бичуемых, проводивших жизнь среди опасностей, со всей охотой принимали и простецы и мудрецы, и рабы и свободные, и варвары и греки.

5. И ты не можешь сказать, что учение этих рыбаблей было для всех удобоприемлемо потому, что оно маловажно и низко. Нет, оно даже гораздо возвышеннее учения философов. О девстве, например, даже об имени таком те не могли и во сне подумать, равно как ни о нестяжательности, ни о посте, ни о какой другой высшей добродетели. Между тем наши учителя не только похоть искореняют, не только действие (преступное) подвергают наказанию, но осуждают и бесстыдный взгляд, и оскорбительные слова, и непристойный смех, и одежду, и поступь, и крик, простирают строгость даже до самого малейшего. По всей вселенной они насадили семена девства. О Боге и вещах небесных они внушают такие понятия, какие никому из философов никогда не могли и на ум придти. Да и как могли иметь такие понятия люди, боготворившие изображения зверей, пресмыкающихся животных и других презренных тварей? И, однако, такое высокое учение (апостолов) было принято и заслужило веру, процветает доселе и возрастает с каждым днем, а учение философов отжило, погибло, исчезло легче паутины. И вполне правильно, так как его проповедовали демоны. Вот почему, кроме бесстыдства, оно представляет много темного и трудного для уразумения. Что может быть смешнее, например, того учения, в котором философ, потратив тысячи слов на то, чтобы показать, что такое справедливость, все еще старается разъяснить этот вопрос в длинной и крайне неясной речи? Если бы он указал что-нибудь и полезное, то для жизни человеческой и это осталось бы совершенно без пользы. В самом деле, если бы земледелец, или ваятель, или плотник, или кормчий, или другой кто-нибудь, питающийся трудами рук своих, вздумал отстать от своего занятия и честных трудов, чтобы потратить многие годы на изучение того, что такое справедливость, то прежде, чем узнать это, он ради этой самой справедливости изнурил бы себя постоянным голодом и погиб бы, окончил бы жизнь свою насильственной **смертью**, так и не научившись ничему полезному. А наше учение не таково. В кратких и ясных словах Христос научил нас, в чем состоит и справедливое, и

честное, и полезное, и всякая вообще добродетель. Так Он говорил, например, что в двух заповедях «**утверждается весь закон и пророки**» (Мф. 22:40), то есть в любви к Богу и ближнему, или еще: «**Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки**» (Мф. 7:12). Все это удобопонятно и легкопостижимо и для земледельца, и для раба, и для вдовицы, и даже для отрока и самого малосмыслящего. Такова истина! Доказательством служит опыт. Все, действительно, узнали, что нужно делать, и не только узнали, но старались и исполнить (то, что узнали), и не в городах, не на торжищах только, а и на вершинах гор. И там ты увидишь великое любомудрие, и там сияют лики ангелов в человеческой плоти и на земле является жизнь небесная. Образ этой жизни начертали нам рыбаки, повелевая приниматься (за обучение ему) не с детского возраста, как делали то философы, и не узаконяя для изучения добродетели определенного числа лет, а наставляя всякий возраст без исключения. Учение философов – детская забава, а учение апостолов – сама истина. Местом для этой жизни они назначили небо, а руководителем и законодателем ее признали Бога, как и надлежало. Наградами за эту жизнь служат не лавровый венок, не масличная ветвь, не пиршество в Пританее, не медные изображения, не такие пустые и бесполезные вещи, а бесконечная жизнь, усыновление Богу, ликование с ангелами, предстояние царскому престолу и постоянное пребывание со Христом.

6. Руководителями в этой жизни являются мытари, рыбаки и скинотворцы, которые жили не краткое время, но всегда живут, почему и по смерти своей могут оказывать величайшую помощь своим последователям. Подвизающимся в этой жизни предстоит брань не с людьми, а с демонами и бесплотными силами. Вот почему и вождем у них не какой-нибудь человек, не ангел, а сам **Бог**. И оружия этих воинов соответствуют характеру брани: они изготовлены не из кожи и железа, а из истины, правды, веры и всякого вида любомудрия. Об этой самой жизни написано и в Евангелии Матфея, о котором нам предстоит теперь говорить. Итак, будем со тщанием внимать ясным речам о ней евангелиста. Все, что он говорит, не его слова, а самого Христа, узаконившего эту жизнь. Будем же внимательны, чтобы и нам удостоиться быть вписанными в эту жизнь и сиять вместе с теми, которые прошли уже ее и получили неувядаемые венцы. Для многих, заметим, эта книга кажется легкопонятною сравнительно с пророками, которые представляют трудности для понимания. Но это говорят люди, которые не знают глубины сокрытых здесь мыслей. Поэтому прошу вас следовать за мною со всею ревностью, чтобы войти нам в самую глубь Писания; водителем же в этом пути будет нам сам Христос. А чтобы

слово наше было удобопонятнее, просим и убеждаем вас (как делали мы это при изъяснении и других Писаний) наперед перечитывать тот отдел книги, который мы будем изъяснять; пусть уразумению предшествует чтение, как то было с евнухом ([Деян. 8:28](#) и далее); это доставит нам большое облегчение. В самом деле, вопросы здесь во множестве возникают на каждом шагу. Вот смотри, сколько, например, недоумений рождается тотчас же в самом начале Евангелия. Во-первых, для чего излагается родословие Иосифа, который не был отцом Христа? Во-вторых, откуда нам может быть видно, что Христос происходит от Давида, когда мы не знаем предков Марии, от которой Он родился, – ведь родословной Девы не показано? В-третьих, почему дается родословие Иосифа, который нисколько не причастен был рождению, а от каких родителей, дедов и прадедов Дева, которая была матерью Христа, не сказано? Кроме того, заслуживает исследования и то, почему евангелист, ведя родословие по мужской линии, упомянул и о некоторых женах. Затем, если ему так рассудилось, то почему он не перечислил всех жен, а умолчав о достославных, как, например, Сарре, Ревекке и подобных им, выставил только известных по своим порокам, например, блудницу, или прелюбодеицу, иноплеменницу, или чужестранку? Так именно он упомянул о жене Уриевой, о Фамари, о Раави и Руфи, из которых последняя была иноплеменница, другая блудница, третья имела связь со свекром, и притом не по закону брака, а похитив ложе под видом блудницы; что же касается жены Урия, то о ней всякий знает по выходящему из ряда вон ее поступку. И, однако, евангелист, опустив всех других, поместил в родословии только одних этих жен. Если уж нужно было упоминать о женах, то следовало упомянуть о всех; если же не о всех, а только некоторых, то о прославившихся своими добродетелями, а не пороками. Видите, сколько нам нужно внимания уже при самом начале Евангелия, хотя для иных это начало кажется яснее прочего, а для многих даже излишним, потому что представляет простое только перечисление имен. Далее, – заслуживает исследования и то, почему Матфей умолчал о трех царях. Если он умолчал о них, как о слишком нечестивых, то ему не нужно было бы упоминать и о других подобных. Вот и еще представляется вопрос: почему евангелист, разделив родословие на части по четырнадцати родов в каждой, в третьей части не соблюл этого числа? Затем: почему Лука упомянул о других именах, и не только не о всех тех, какие есть у Матфея, но и указал их гораздо больше, а Матфей привел и меньше и другие имена, хотя и он кончил на Иосифе, на котором прекратил родословие и Лука. Смотрите же, сколько нам нужно бдительности не только для того, чтобы разрешить недоумения, но и для того, чтобы узнать, что требует решения. Немаловажное ведь

дело и суметь найти недоуменные вопросы. Вот и еще, например, недоуменный вопрос: каким образом Елизавета, происходя из колена Левиина, могла быть родственницею Марии?

7. Но, чтобы не обременить вашей памяти множеством вопросов, остановимся здесь. Для возбуждения вашего внимания достаточно и того, если вы узнаете только, какие представляются здесь вопросы. Если же вы желаете узнать и решение, то и это будет зависеть, прежде нашего наставления, от вас самих. Если я увижу у вас внимание и охоту научиться, то буду стараться предложить и решение, а если замечу леность и невнимательность, то не покажу ни самых вопросов, ни решения их, следуя божественной заповеди, гласящей: **«Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими»** (Мф. 7:6). Кто же этот попирающий? Тот, кто не почитает Писания драгоценным и важным. Но кто же, скажешь, столь несчастен, чтобы не считать его важным и всего драгоценнее? Тот, кто не уделяет ему и столько времени, сколько тратит для распутных женщин на сатанинских зрелищах. Многие проводят там целые дни, совсем запуская ради бесполезного такого времяпровождения домашние дела, и что услышат там, стараются с точностью запомнить и сохранить на пагубу души своей, а здесь, где говорит сам **Бог**, не хотят побыть и малого времени. Вот почему у нас нет ничего общего и с небом, и наша (небесная) жизнь только на словах. Однако ж за это Бог угрожает нам и геенною, – не с тем, чтобы ввергнуть нас в нее, а чтобы дать нам возможность избежать этого тяжкого наказания. А мы делаем напротив, и каждый день стремимся на путь, ведущий к геенне: Бог повелевает не только слушать, но и исполнять то, что нам говорится, а мы не хотим и выслушать. Когда же, скажи мне, начнем мы исполнять то, что нам повелевается, когда примемся за дела, если мы не хотим даже и слушать о них, если негодуем и досадуем даже на самое краткое пребывание в храме? Когда мы, разговаривая о предметах ничего не стоящих, замечаем в собеседниках невнимание, то считаем это себе за обиду. А о том не думаем, что оскорбляем Бога, когда Он говорит нам о столь важных предметах, а мы пренебрегаем Его словами и смотрим в сторону? Какой-нибудь старец, исходивший много земель, со всею точностью сообщает нам и о расстояниях и о положении городов, об их видах, пристанях, площадях (и мы с удовольствием слушаем его), а сами, между тем, не знаем и того, сколь далеко отстоим от небесного града. В противном случае, если бы мы знали это расстояние, мы постарались бы сократить путь. Если, ведь, мы нерадим, то расстояние этого града от нас не только такое, какое находится между небом и землей, а даже гораздо больше; напротив, если прилагаем старание, то можем дойти

до врат его в одно мгновение, потому что это расстояние определяется не протяжением пространства, а состоянием нашей нравственности.

8. Ты отлично знаешь дела здешней жизни, – и новые и старые и древние, можешь перечислить начальников, у которых ты служил раньше в войсках, и распорядителей игр, и победителей на них, и вождей, от чего тебе нет никакой пользы. А кто начальник в небесном граде, кто первый, кто второй, кто третий, сколько времени каждый служил и что сделал славного, об этом тебе никогда и во сне не грезилось. О законах, которыми управляется этот город, ты не хочешь внимательно послушать, когда говорят о них и другие. Как же, скажи мне, ты надеешься получить обещанные блага, если не хочешь и внимать, когда говорят о них? Но если мы не заботились об этом раньше, то постараемся по крайней мере сделать это теперь. Вот мы намереваемся вступить, если благоволит **Бог**, в златой град, и даже драгоценнейший всякого злата. Рассмотрим же его основания и врата, сделанные из сапфира и маргаритов. Лучший руководитель наш – Матфей. Его дверью входим мы ныне; только нужно большое старание с нашей стороны, потому что, в ком он не видит усердия, того он изгоняет из града. Это – град царственный и славный; в нем нет разделения торжища от царских дворцов, как в наших городах; в нем – все царский чертог. Итак, отверзем двери ума, отверзем слух наш, и с великим трепетом приступая к преддверию этого чертога, поклонимся живущему в нем Царю, потому что и первый шаг может поразить зрителя страхом. Врата теперь еще заключены для нас; когда же увидим их отверстыми (т. е. когда решатся недоуменные вопросы), тогда узрим внутри его великий свет. Просвещаемый духом, этот мытарь обещает показать тебе все: и где восседает Царь, и какие предстоят Ему воины, где ангелы и где архангелы; какое место назначено в этом граде для новых граждан, какой туда ведет путь; какой жребий получили вступившие в него первыми, какой – вторые, какой – вошедшие впоследствии; сколько чинов среди тамошних граждан, сколько советов и как различны достоинства. Итак, войдем в этот град не с шумом и смятением, а с благоговейным молчанием. Если царские грамоты прочитываются в театре, когда наступает полная тишина, то тем более в этом граде должны все утихнуть и стоять с напряженной душою и слухом, потому что здесь будут читаться повеления не земного царя, а Владыки ангелов. Если мы так себя расположим, то сама благодать Духа вернейшим образом укажет нам путь, и мы придем к самому Царскому престолу и получим все блага, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, со Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Пританей было здание, где давались торжественные обеды в честь заслуженных граждан.

Беседа 2

Мф. 1:1. Книга родства Иисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамля

Повторение увещания, данного в конце предыдущей беседы. – Описание небесного града. – Незъяснимость рождения Сына Божия, как небесного, так и земного. – Величие воплощения. – Сын Божий воплотился, чтобы человека сделать сыном Божиим. – Христос соединил ветхий завет с новым. – Значение имени «Иисус»; его ветхозаветный прообраз. – Почему Матфей назвал свое евангелие «книгою родства И. Христа». – Почему он ставит Давида раньше Авраама. – Доказательства происхождения Иосифа и Девы от Давида. – Почему дается родословие Иосифа, а не Марии. – Увещание заниматься духовным учением. – Чтение Свящ. Писания необходимо особенно для живущих в миру, как врачевство против пустословия и сквернословия. – Действие слова Божия на человека. – И одно только слушание Писания полезно.

1. Помните ли вы наставление, которое недавно мы сделали вам, прося слушать все, что будет говориться, с глубоким молчанием и с благоговейною тишиною? Сегодня мы должны вступить в священные преддверия; потому я и напоминаю об этом наставлении. Если иудеям, когда надлежало приступить им к горячей горе, к «огню, тьме, мраку и буре», а лучше сказать, даже и не приступить, а видеть и слышать все издали, еще за три дня велено было воздерживаться от общения с женами и вымыть одежды, если и сами они, а равно и Моисей, находились в страхе и трепете, – то тем более должны показать высшее любомудрие мы, когда нам надлежит услышать такие великие слова и не издали предстать дымящейся горе, а взойти на самое небо; не одежды измыть должны мы, а очистить одеяние души и освободиться от всякой житейской примеси. Не мрак увидите вы, не дым, не бурю, а самого Царя, сидящего на престоле неизреченной Своей славы, предстоящих Ему ангелов и архангелов, и сонмы святых с бесчисленными тьмами воинств небесных. Таков град Божий, вмещающий в себе **церковь** первородных, духи праведных, торжествующее собрание ангелов, кровь кропления, чрез которую все соединено, небо восприняло земное, земля – небесное, настал мир давно вожделенный для ангелов и святых. В этом граде водружено

блистательное и славное знамя креста: там добыча Христа, начатки нашего естества, стяжания Царя нашего. Обо всем этом мы с точностью узнаем из Евангелий. И если ты будешь следовать за нами с подобающим спокойствием, мы сможем провести тебя повсюду и показать, где лежит пригвожденная (ко кресту) смерть, где повешен грех, где многочисленные и дивные памятники этой войны, этой битвы. Увидишь там и связанного мучителя, сопровождаемого толпою пленников, и ту твердыню, откуда этот гнусный демон в прежнее время производил всюду свои набеги; увидишь убежища и пещеры разбойника, уже разоренные и открытые, потому что и туда приходил Царь. Не утомляйся, возлюбленный! Ты не можешь вдоволь наслушаться, если тебе кто-нибудь рассказывает об обычной войне, о трофеях и победах, и ни пище, ни питью не предпочтешь такого рассказа. Если тебе так приятен такой рассказ, то гораздо более – мой. Представь, в самом деле, каково слышать, как Бог, восстав с небес и царских престолов, нисходил на землю и в самый ад, как Он ополчался на брань, как дьявол боролся с Богом, – не с неприкровенным, впрочем, Богом, а с Богом, скрывавшимся под покровом человеческой плоти. И, что удивительно, ты увидишь, как смерть разрушена смертью, как клятва упразднена клятвой, как мучительство **дьявола** ниспровержено тем самым, через что он приобрел силу. Итак, воспрянем, и не будем предаваться дремоте! Я вижу уже, как пред нами отверзаются врата. Войдем же с полным благочинием и трепетом. Сейчас мы вступаем в самые преддверия. Что же это за преддверие?

Мф. 1:1. Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова

Что говоришь ты? Обещался сказать о едиnorodном Сыне Божиим, а упоминаешь о Давиде, о человеке, который существовал спустя тысячи родов, и его называешь отцом и прародителем? погоди, не все сразу старайся узнать, а узнавай постепенно и мало-помалу. Ты ведь стоишь еще в преддверии, у самого порога: зачем же спешить во святилище? Ты еще не осмотрел хорошенько всего снаружи. И я пока еще не говорю тебе о первом – небесном рождении, а лучше сказать, не говорю даже и о втором – земном, потому что и оно неизъяснимо и неизреченно. Об этом раньше меня еще сказал тебе и пророк Исаия, когда именно, возвещая страдания Господа и великое Его попечение о вселенной, поражаемый зрением того, кто Он был и чем стал, и куда нисшел, он громко и ясно воскликнул: **«Род Его кто изъяснит»** (Ис. 53:8)?

2. Итак, у нас теперь речь не о том, небесном рождении, а об этом дольном, земном рождении, имевшем тысячи свидетелей. Да и о нем мы будем говорить настолько, насколько то нам возможно по мере полученной благодати Духа. Со всею ясностью нельзя представить и

этого рождения, так как и оно полно таинственности. Итак, слыша об этом рождении, не подумай, что слышишь о чем-то маловажном; но воспрянь умом своим и ужаснись, как скоро слышишь, что **Бог** пришел на землю. Оно было так дивно и чудно, что и ангелы, составив хвалебный лик, воздали за него славу за целый мир, и пророки задолго прежде изумлялись тому, что Бог **«явился на земле и обращался между людьми»**(Вар. 3:38). И подлинно, крайне дивно слышать, что неизреченный, неизъяснимый и непостижимый Бог, равный Отцу, пришел чрез девическую утробу, благоволил родиться от жены и иметь предками Давида и Авраама. И что говорю – Давида и Авраама? Что еще изумительнее, – тех жен, о которых я упомянул раньше. Слыша это, воспрянь, и не заподозри ничего унижительного; напротив, тому-то особенно и подивись, что Сын безначального Отца, Сын истинный, благоволил назваться сыном Давидовым, чтобы тебя сделать сыном Божиим, благоволил иметь раба Своим отцом, чтобы тебе, рабу, сделать отцом Владыку. Видишь, какое благовестие в самом же начале? Если же сомневаешься в своем богосыновстве, то уверься в нем, слыша, что было с Ним. По человеческому рассуждению гораздо ведь труднее Богу стать человеком, нежели человеку сделаться сыном Божиим. Итак, когда слышишь, что Сын Божий есть сын Давидов и Авраамов, то не сомневайся уже, что и ты, сын Адамов, будешь сыном Божиим. Не уничижил бы Он Себя напрасно и без цели до такой степени, если бы не хотел возвысить нас. Он родился по плоти, чтобы ты родился по духу; родился от жены, чтобы ты перестал быть сыном жены. Вот почему Его рождение и было двоякое, – с одной стороны подобное нашему, с другой – превышающее наше. Тем, что родился от жены, Он уподобился нам; тем же, что родился не от крови, не от хотения мужа или плоти, но от Духа Святого, Он предвозвещает превышающее нас будущее рождение, которое Он имел даровать нам от Духа. Таково же было и все прочее. Таково было, например, крещение. И в нем было и нечто ветхое, было и нечто новое: крещение от пророка показывало ветхое, а снисхождение Духа знаменовало новое. Подобно тому как кто-нибудь, став между двоими, стоящими порознь, протянет обоим свои руки и соединит их, так точно сделал и Сын Божий, соединив **Ветхий Завет** с Новым, божеское естество с человеческим, Свое с нашим. Видишь блистание града Божия? Видишь, каким блеском осиял тебя при самом входе? Видишь, как тотчас же показал тебе Царя в твоём образе, как бы посреди стана? И здесь, на земле, царь не всегда является в своем величии, а часто, сложив порфиру и диадему, облекается в одежду простого воина. Но царь земной делает это для того, чтобы, став известным, не привлечь к себе неприятеля; Царь небесный, наоборот, для того, чтобы, став известным, не заставить врага бежать от

ратоборства с Ним и не привести в смятение Своих, так как Он желал спасти, а не утратить. Вот почему евангелист тотчас же назвал Его и соответствующим именем «Иисус». Это имя «Иисус» не греческое; Иисусом Он называется по-еврейски, что на греческом языке означает Спаситель (Σωτηρ); Спасителем же Он называется потому, что спас народ Свой.

3. Видишь ли, как евангелист вскрыл слухателя, как он, говоря обычными словами, открыл в них всем нам то, что выше всякого чаяния? Оба данных имени были хорошо известны у иудеев. Так как события, коим надлежало совершиться, были дивны, то и самим именам предшествовали образы, чтобы таким способом заранее был устранен всякий повод к ропоту на нововведение. Так преемник Моисея, введший народ в землю обетованную, называется Иисусом. Видишь образ? Рассмотрим и истину. Тот ввел в землю обетованную, этот – на небо и ко благам небесным; тот по смерти Моисея, этот по прекращении закона; тот – как вождь, этот – как Царь. Но чтобы ты, слыша «Иисус», не приведен был сходством имен в заблуждение, евангелист присовокупил: «Иисуса Христа, Сына Давидова». Тот Иисус не был сыном Давидовым, а происходил из другого колена. Но почему Матфей называет свое Евангелие «родословием Иисуса Христа», тогда как оно содержит не только одно родословие, но и все домостроительство? Потому, что рождение Христа составляет главное во всем домостроительстве, является началом и корнем всех дарованных нам благ. Подобно тому, как Моисей называет свой первый труд книгою бытия неба и земли, хотя повествует в ней не только о небе и земле, но и о том, что находится между ними, так и евангелист назвал свою книгу по главному из дел, совершенных (для нашего спасения). Всего изумительнее, выше всякой надежды и чаяния, действительно, есть то, что Бог стал человеком; а когда это совершилось, то все последующее и понятно, и естественно.

Но почему евангелист не сказал сначала: «Сына Авраамова», и затем уже: «Сына Давидова»? Не потому, как думают некоторые, что хотел представить родословие по восходящей линии, – потому что тогда он сделал бы так же, как и Лука, а он делает наоборот. Итак, почему же он упомянул сначала о Давиде? Потому, что это был человек у всех на устах, как в силу знаменитости его деяний, так и по времени, потому что умер много позже Авраама. Хотя обетования Бог дал им обоим, но об обетовании, данном Аврааму, как древнем, мало говорили, а обетование, данное Давиду, как недавнее и новое, повторялось всеми. Иудеи сами говорят: не «сказано ли в Писании, что Христос придет от семени Давидова и из Вифлеема, из того места, откуда был Давид» (Ин. 7:42)? И никто не называл Его сыном Авраамовым, а все

звали сыном Давидовым, потому что и по времени жизни, как я уже сказал, и по знатности царствования Давид у всех был больше в памяти. Вот почему и всех царей, живших после Давида, которых особенно уважали, называли его же именем не только иудеи, но и сам Бог. Так Иезекииль и другие пророки говорят, что к ним придет и воскреснет Давид; понимают же не умершего Давида, а подражающих его добродетели. Так Езекии говорит Бог: «Я буду охранять город сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, раба Моего» (4Цар. 19:34); и Соломону говорил, что ради Давида не разделит царство при жизни его (3Цар. 11:34). Слава этого мужа велика была и пред Богом и пред людьми. Вот почему евангелист непосредственно и начинает родословие с знатнейшего, а потом уже обращается к прародителю древнейшему – Аврааму, возводить же родословие далее находит для иудеев излишним. Эти два мужа возбуждали особенное удивление; один как пророк и царь, другой как патриарх и пророк. Но откуда видно, спросишь ты, что Христос происходит от Давида? Если Он родился не от мужа, а от одной только жены, а родословия Девы у евангелиста нет, то почему мы можем знать, что Христос был потомком Давида? Здесь два вопроса: почему не дается родословия Матери, и почему именно упоминается об Иосифе, который несколько не был причастен к рождению? По-видимому, последнее излишне, а первое требовалось бы. Что же нужно решить сначала? Вопрос о происхождении Девы от Давида. Итак, откуда мы можем знать, что она происходит от Давида? Слушай: Бог повелевает Гавриилу идти «к Деве, обрученной мужу, именем Иосифу, из дома :и отечества Давидова" (Лк. 1:27). Чего же яснее этого хочешь ты, когда слышишь, что Дева была из дома и отечества Давидова?

4. Отсюда ясно, что и Иосиф происходил из того же рода, потому что был закон, повелевавший брать жену не иначе, как из своего колена. А патриарх Иаков предсказал, что Христос восстанет от колена Иудова, говоря так: «Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придет Примиритель, и Ему покорность народов» (Быт. 49:10). Пророчество это, скажешь ты, действительно показывает, что Христос был от колена Иудова; но что Он происходил и из рода Давидова, этого еще не показывает. Разве в колене Иудовом не было ни одного рода кроме Давидова? Нет, было много и других родов, и можно было принадлежать к колену Иудову, но не происходить еще из рода Давидова. Чтобы ты не сказал этого, евангелист разрешает твое сомнение, говоря, что Христос был из дома и отечества Давидова. Если хочешь убедиться в этом иным образом, то мы не затруднимся представить и другое доказательство. У иудеев не позволялось брать жену не только из другого колена, но и из другого

рода или племени. Поэтому, приложим ли мы слова: «из дома и отчества **Давидова**» к Деве, сказанное остается несомненным; приложим ли к Иосифу, сказанное о нем будет относиться и к Деве. Если Иосиф был из дома и отчества Давидова, то взял жену не из иного рода, а из того же, из которого происходил и сам. Но что, скажешь ты, если он нарушил закон? Евангелист предупредил и это возражение, засвидетельствовав, что Иосиф был праведен, так что, зная его добродетель, ты можешь быть уверен и в том, что он не нарушил бы закона. Будучи столь кротким и чуждым страсти, что даже побуждаемый подозрением не захотел подвергнуть наказанию Деву, ужели бы он нарушил закон ради плотского удовольствия? Мудрствуя выше закона (так как отпустить, и отпустить тайно, свойственно было человеку, который мудрствовал выше закона), ужели бы он сделал что-нибудь вопреки закону, и притом без всякой побудительной причины? Итак, из сказанного ясно, что Дева происходила из рода Давидова. Теперь следует сказать, почему евангелист дал не Ее родословие, а Иосифа. Итак, почему же? У иудеев не было обычая вести родословие по женской линии; поэтому, чтобы соблюсти и обычай, и не оказаться при самом же начале его нарушителем, а с другой стороны – показать нам и происхождение Девы, евангелист, умолчав о Ее предках, и представил родословие Иосифа. Если бы он представил родословие Девы, это почли бы новшеством; если бы умолчал об Иосифе, мы не знали бы предков Девы. Итак, чтобы мы знали, кто была Мария, откуда происходила, и вместе не был нарушен обычай, евангелист представил родословие Ее обручника и показал, что он происходит из дома Давидова. А раз это доказано, тем самым доказано и то, что и Дева была из того же рода, потому что этот праведник, как я сказал выше, не допустил бы себе взять жену из чужого рода. Можно, впрочем, указать и другую причину, более таинственную, по которой умолчано о предках Девы; но теперь не время открывать ее, потому что и так уже много сказано. Итак, окончив здесь разбор вопросов, постараемся пока с точностью запомнить то, что объяснилось для нас, а именно: почему сперва упомянуто о Давиде, почему евангелист назвал свою книгу книгою родства, почему прибавил: «**Иисуса Христа**», в чем рождение Христа было сходно с нашим, и в чем не сходно, чем доказывается происхождение Марии от Давида, почему представлено родословие Иосифа и умолчано о предках Девы. Если вы сохраните все это, то возбудите и в нас большее усердие к дальнейшим изъяснениям; а если отнесетесь небрежно и забудете, то и у нас будет меньше охоты изъяснять прочее. Ведь и земледелец не захочет заботиться о семенах, если земля погубит у него посеянное прежде. Итак, прошу вас заняться сказанным. От таких занятий происходит великое и спасительное благо

для души. Имея заботу о таких занятиях, мы можем угодить Богу, и уста наши, когда мы упражняем их беседами духовными, будут чисты от укоризн, срамословия и ругательств. Мы будем страшны и для демонов, когда вооружим язык свой такими беседами; в большей мере привлечем на себя и благодать Божию; проницательнее сделается и взор наш. Бог дал нам и очи, и уста, и слух, для того, чтобы все члены служили Ему, чтобы мы угодное Ему говорили, чтобы угодное Ему делали, чтобы воспевали Ему непрестанные песни хвалы, чтобы воссылали благодарения и таким образом очищали свою совесть. Как тело, наслаждаясь чистым воздухом, становится здоровее, так и душа, питаясь такими занятиями, делается мудрее.

5. Не замечал ли ты, что и из телесных очей, если они постоянно бывают в дыму, всегда текут слезы, а на свежем воздухе, на лугу, при источниках и в садах они становятся и здоровее и острее. То же бывает и с оком душевным. Если оно питается на лугу духовных учений, то бывает чистым, ясным и проницательным, а если погружается в дым житейских попечений, то непрестанно будет точить и проливать слезы и в этой, и в будущей жизни. Подлинно, дыму подобны дела человеческие. Потому-то некто и сказал: **«Исчезли, как дым, дни мои»** (Пс. 101:4). Но пророк хотел этими словами выразить только мысль о краткости и непостоянстве жизни человеческой, а я сказал бы, что их должно разуметь не в этом только смысле, но и как указание на мятежность жизни. Действительно, ничто так не угнетает и не возмущает душевного ока, как толпа житейских забот и рой пожеланий; это – дрова упомянутого дыма. Подобно тому, как обыкновенный огонь, охватывая вещество влажное и промокшее, разводит густой дым, так точно и сильная пламенная страсть, завладевая вялой и слабой душою, производит большой дым. Вот почему и необходима роса Духа и легкое Его веяние, чтобы угасить этот огонь, развеять этот дым, и окрылить наш разум. Невозможно, невозможно никак, обремененному таким злом воспарить к небу. Нет; нам надобно быть хорошо препоясанными, чтобы совершить этот путь, а вернее сказать – и при этом невозможно, если не возьмем крыльев Духа. Итак, если нам нужен и легкий ум и благодать Духа, чтобы взойти на эту высоту, а у нас ничего этого нет, если, напротив, мы влачим с собою только противное и сатанинскую тяжесть, то как мы можем воспарить, когда такая тяжесть влечет нас долу? Если бы кому-нибудь вздумалось на верных весах взвесить наши слова, то в тысяче талантов житейских разговоров он едва ли найдет и сто динариев духовных слов, а вернее сказать – не найдет и десяти олов. Не стыдно ли, не смешно ли до последней степени, что мы, имея слугу, употребляем его обычно на дела нужные, а владея языком, с собственным нашим членом не

обходимся даже так, как с слугою, а употребляем его, напротив, на дела бесполезные и напрасные? Да если бы только на напрасные! А мы делаем из него противное и вредное употребление, от которого нам нет никакой пользы. Если бы для нас было полезно то, что мы говорим, то наши речи были бы, конечно, угодны и Богу.

А между тем, мы только и говорим, что внушит дьявол: то насмеемся, то острословим; то проклинаяем и обижаем, то клянемся, лжем и преступаем клятвы; то с досады не хотим вымолвить и слова, то пустословим и болтаем хуже старух, говоря о том, что до нас вовсе не касается. Кто из вас, здесь присутствующих, скажите мне, если спросить, может прочесть хотя один псалом или какое-нибудь другое место из **Священного Писания**? Ни один! И не это только удивительно, а и то, что вы, будучи так ленивы на дела духовные, на дела сатанинские оказываетесь быстрее огня. Если кто вздумает спросить вас о песнях дьявольских, о напевах распутных и сладострастных, то найдет, что многие знают их прекрасно и пропоют с полным удовольствием. И чем оправдываются, если станешь в том обвинять? Я, говорят, не монах, а имею жену и детей, хлопочу о доме. От этого-то именно и происходит весь вред, что вы думаете, будто чтение божественного Писания подобает одним только монахам, тогда как сами вы нуждаетесь в нем гораздо более их. Кто живет в мире и каждый день получает новые раны, для того особенно и нужно врачевство. Поэтому считать излишним чтение Писания гораздо хуже, чем не читать его. Такая мысль – сатанинское внушение.

6. Не слышите ли, как говорит Павел, что все это написано **«в наставление нам»** (1Кор. 10:11)? А ты, который не осмеливаешься взяться за Евангелие неумытыми руками, ужели не думаешь, что заключающееся в нем чрезвычайно важно? Вот почему все и идет наыворот. Если тебе хочется узнать, как велика польза от Писания, понаблюдай за собой, что с тобою бывает, когда ты слушаешь псалмы, и что – когда слушаешь сатанинскую песню; в каком расположении ты проводишь время в церкви, и в каком сидишь в театре. Тогда ты увидишь разницу между тем и другим состоянием души, хотя душа одна и та же. Вот почему Павел и сказал: **«худые беседы² развращают добрые нравы»** (1Кор. 15:33). Вот почему нам и нужны постоянно духовные песнопения. В этом-то и состоит наше превосходство над бессловесными животными, хотя в других отношениях мы им значительно и уступаем. Это – пища души, это – ее украшение, это – ее ограждение; наоборот, не слушать Писания – для души голод и пагуба. Дам им, говорит Господь, **«не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних»** (Ам. 8:11). Может ли быть что бедственнее, когда ты сам на собственную свою голову навлекаешь то зло, которым

Бог угрожает как наказанием, томишь душу ужасным голодом и делаешь ее слабейшею всего на свете? Обыкновенно слово и портит душу, и исцеляет ее; слово и возбуждает в ней гнев, и оно же опять укрощает ее; срамное слово разжигает похоть, слово пристойное располагает к целомудрию. Если же слово вообще имеет такую силу, то как же ты, скажи мне, пренебрегаешь Писание? Если простое увещание так сильно действует, то гораздо более увещания, сопровождаемые действием Духа. Слово, произнесенное от Божественного Писания, сильнее огня умягчает ожесточенную душу и делает ее способною на все прекрасное. Таким средством и Павел, когда узнал о коринфянах, что они стали гордыми и надменными, смирил их и сделал их более скромными. Они превозносились тем, что должны были считать стыдом и позором. Но слушай, какая в них произошла перемена, когда они получили послание. О ней засвидетельствовал сам учитель, когда говорил им: «Ибо то самое, что вы опечалились ради Бога, смотрите, какое произвело в вас усердие, какие извинения, какое негодование [на виновного], какой страх, какое желание, какую ревность, какое взыскание!» (2Кор. 7:11). Этим средством мы можем управлять и слугами, и детьми, и женами, и друзьями; можем и врагов делать друзьями. Этим путем и великие мужи, други Божии, достигали совершенства. Так Давид по совершении греха, как скоро внял слову, тотчас явил в себе прекраснейший образец покаяния (2Цар. 12:13) и апостолы при помощи слова стали тем, чем были впоследствии, и посредством слова обратили всю вселенную. Но что, скажешь, за польза, когда иной слушает, а не исполняет того, о чем говорят ему? Немалая польза будет и от одного слушания. По крайней мере, человек узнает себя, поскорбит, а когда-нибудь дойдет и до того, что будет исполнять слышанное. А кто не знает даже, что грешит, перестанет ли когда грешить? Может ли придти в познание самого себя? Итак, не будем пренебрегать слушанием Священного Писания. Это – умысел дьявола – не дозволить нам видеть сокровища, чтобы мы не обогатились. Он боится, чтобы слушание у нас не перешло в дело; потому и внушает нам, что одно слушание не имеет никакого значения. Итак, зная этот лукавый его умысел, оградимся со всех сторон, чтобы, защитившись оружием слова Божия, не только самим не попасться в плен, но и ему сокрушить голову, и, увенчавшись таким образом победными знаками, достигнуть будущих благ по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

* * *

2

В синодальном переводе «сообщества», но «беседы», или «общение» более соответствует пониманию Златоуста. – и.Н.

Беседа 3

Мф. 1:1. Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова

Другая причина, почему дается родословие Иосифа, а не Марии. – Почему евангелист не упоминает об Исаве. – Упоминание о порочных предках служит к большему прославлению Воплотившегося, научает нас не стыдиться злонравия предков, если мы добродетельны, низлагает гордость иудеев, величавшихся происхождением от Авраама, и показывает необходимость пришествия Христова. – Фарес и Зара служат образом народа еврейского и церкви Христовой. – Образом последней служат также Раав и Руфь. – Не должно хвалиться не только предками, но и собственными заслугами. – Добродетель каждого человека ничтожна сравнительно с его грехами. – Забвение добрых дел есть самое безопасное их хранилище. – Исповедание грехов – лучший способ умилоствления и благодарения Бога. – Смирение есть начало всякого любомудрия и мать всех благ. – Образцом смиренномудрия может служить Давид.

1. Вот уже третья беседа, а мы еще не кончили предисловия. Итак, не напрасно говорил я, что размышления эти, по свойству своему, весьма глубоки. Постараемся же сегодня досказать о том, что остается. О чем же теперь у нас вопрос? О том, для чего евангелист представляет родословие Иосифа, который нимало не был причастен к рождению Христа. Одну причину мы уже указали; надобно открыть и другую, которая таинственнее и сокровеннее первой. Какая же это причина? Евангелист не хотел, чтобы при самом рождении известно было иудеям, что Христос родился от Девы. Но не смущайтесь, если сказанное мною для вас страшно; я говорю здесь не свои слова, но слова отцов наших, чудных и знаменитых мужей. Если Господь и многое первоначально скрывал во мраке, называя Себя Сыном Человеческим; если Он и не везде ясно открывал нам Свое равенство со Отцом, – то чему дивиться, если Он скрывал до времени и о Своем рождении от Девы, устрояя нечто чудное и великое? Что же здесь чудного, скажешь ты? То, что Дева сохранена и избавлена от худого подозрения. Иначе, если бы об этом с самого начала сделалось известным иудеям, они, перетолковав слова в худую сторону, побили бы Деву камнями и осудили как блудницу. Если уже и в таких случаях, коих примеры часто встречались им еще в Ветхом Завете, они обнаруживали свое бесстыдство (например, называли Христа беснующимся, когда Он изгонял бесов, почитали Его противником Богу, когда исцелял больных в субботу, несмотря на то, что суббота и прежде уже многократно была нарушаема), – то чего бы не сказали они, услышав об этом? Им

благоприятствовало и то, что в прежнее время никогда не случалось ничего подобного. Если и после многочисленных Его чудес они называли Иисуса сыном Иосифовым, то как бы поверили, еще прежде чудес, что Он родился от Девы? Вот почему и пишется родословие Иосифа, и обручается ему Дева. Когда даже Иосиф, муж праведный и дивный, чтобы поверить такому событию, имел нужду во многих доказательствах, – в явлении ангела, сонном видении, свидетельстве пророков, – то как же бы приняли такую мысль иудеи, народ грубый и развращенный, и так враждебно расположенный ко Христу? Без сомнения, их крайне возмутило бы такое необыкновенное и новое событие, когда они и слухом не слыхали, чтобы нечто подобное случилось у предков. Кто однажды уверовал, что Иисус есть Сын Божий, тот не стал бы уже и в этом сомневаться. Но кто почитает Его льстецом и противником Богу, как не соблазнился бы этим еще более и не возымел бы указанного подозрения? Вот почему и апостолы не с самого начала говорят о рождении от Девы. Напротив, они часто и много говорят о воскресении Христовом, потому что примеры воскресения были уже и в прежние времена, хотя и не такие; а о рождении Его от Девы говорят редко. Даже сама Мать Его не смела объявлять о том. Посмотри, что говорит Дева самому Христу: **«Вот, отец Твой и Я... искали Тебя»** (Лк. 2:48)! Почитая Его рожденным от Девы, не стали бы уже признавать сыном Давидовым; а отсюда произошло бы много и других зол. Потому и ангелы возвестили об этом одной только Марии и Иосифу; когда же благовествовали о рождении пастырям, не присовокупили уже об этом. Но для чего евангелист, упомянув о Аврааме и сказав, что он родил Исаака, а Исаак Иакова, не упоминает о брате последнего, между тем как после Иакова упоминает и о Иуде, и о братьях его?

2. Причиною этого некоторые поставляют злонравие Исава, то же говоря и о других некоторых предках. Но я этого не скажу: если бы это было так, то почему же немного после евангелист упоминает о порочных женах? Очевидно, здесь слава Иисуса Христа обнаруживается чрез противоположность, не чрез величие, а чрез ничтожество и низость Его предков. Для высокого в том-то и слава великая, если он может уничтожить себя до крайней степени. Итак, почему же евангелист не упомянул об Исаве и других? Потому что сарацины и измаильтяне, арабы и все, которые произошли от тех предков, не имели ничего общего с народом израильским. Потому и умолчал он об них, а обращается прямо к предкам Иисуса и народа иудейского, говоря: **«Иаков родил Иуду и братьев его»**. Здесь уже означает род Иудейский. **«Иуда родил Фареса и Зару от Фамари»**.

Что делаешь ты, богодухновенный муж, напоминая нам историю беззаконного кровосмешения? Что же в том? отвечает он. Если бы мы стали перечислять род какого-либо обыкновенного человека, то прилично бы было умолчать о таком деле. Но в родословии воплотившегося Бога не только не должно умолчать, но еще велегласно надлежит возвестить об этом, для того, чтобы показать Его промысление и могущество. Он и пришел не для того, чтобы избегать позора нашего, но чтобы уничтожить его. Как особенно удивляемся не тому, что Христос умер, но тому, что и распят (хотя это и поносно, – но чем поноснее, тем большее показывает в Нем человеколюбие), так можно сказать и о рождении: Христу должно удивляться не только потому, что воспринял на Себя плоть и соделался человеком, но и потому еще, что порочных людей удостоил быть Своими сродниками, не стыдясь нимало наших пороков. Так, с самого начала рождения Он показал, что не гнушается ничем нашим, научая тем и нас не стыдиться злонравия предков, но искать только одного – добродетели. Человек добродетельный, хотя бы происходил от иноплеменника, хотя бы родился от блудницы или другой какой грешницы, не может получить от этого никакого вреда. Если и самого блудника, если он переменится, прежняя жизнь нисколько не позорит, то тем более человека добродетельного, если он произошел от блудницы или прелюбодеицы, нимало не может позорить порочность его родителей. Впрочем, Христос поступал так не только для нашего научения, но и для укрощения гордости иудеев. Так как они, нерадя о душевной добродетели, при всяком случае превозносились только Авраамом, и думали оправдаться добродетелью предков, то Господь с самого начала и показывает, что надлежит хвалиться не родом, но собственными своими заслугами. Притом Он хочет еще показать и то, что все, и самые праотцы, виновны во грехах. Так патриарх, от которого и самое имя получил народ иудейский, оказывается немалым грешником: Фамарь обличает его в блудодеянии. И Давид от жены прелюбодейной родил Соломона. Если же такие великие мужи не исполнили закона, то тем более те, которые ниже их. А если не исполнили, то все согрешили, и пришествие Христа было необходимо. Для того евангелист упомянул и о двенадцати патриархах, чтобы унизить тем иудеев, превозносившихся знаменитыми предками. Ведь многие из патриархов рождены были от рабынь, и однако же различие родивших не произвело различия между рожденными. Все они равно были и патриархами и родоначальниками колен. В этом-то и состоит преимущество Церкви; в этом отличие нашего благородства, прообразованное еще в Ветхом Завете. Хотя бы ты был раб, хотя бы

свободный, тебе нет от этого ни пользы, ни вреда; одно только потребно – воля и душевное расположение.

3. Кроме сказанных, есть еще причина, по которой евангелист упомянул об истории кровосмешения Иудина. Не без цели к Фаресу присоединен Зара. По-видимому, напрасно и излишне было бы после Фареса, от которого надлежало вести родословие Христа, упоминать еще о Заре. Для чего же упомянутое? Когда Фамари пришло время родить их и начались болезни, Зара первый показал руку. Повивальная бабка, увидев это, чтобы заметить первенца, перевязала ему руку красною нитью. Когда же рука была перевязана, младенец сокрыл ее, и тогда родился Фарес, а потом Зара. Видя это, повивальная бабка сказала: «**Как ты расторг себе преграду**»³ (Быт. 38:29)? Примечаешь ли таинственное прообразование? Не без причины об этом для нас написано, – так как не стоило бы повествовать о том, что сказала когда-то повивальная бабка и рассказывать, что родившийся вторым первый выставил руку. Итак, что значит это прообразование? Во-первых, разрешает этот вопрос имя младенца: Фарес означает разделение и рассечение. Во-вторых, самое событие: не по естественному порядку происходило то, что показавшаяся рука, будучи перевязана, опять сокрылась. Тут не было ни разумного движения, ни естественного порядка. Родиться другому тогда, когда один показал руку, может быть, естественно; но сокрыть ее, чтобы дать путь другому, – это уже несогласно с законом рождаемых. Нет, здесь присутствовала благодать Божия, устроившая рождение младенцев, и предназначавшая чрез них для нас некоторый образ будущих событий. Что же именно? Те, кто тщательно вникал в это происшествие, говорят, что эти младенцы прообразовали два народа. Потом, чтобы ты знал, что бытие второго народа предваряет происхождение первого, младенец не показывается весь, а только протягивает руку, но и ее опять скрывает, и уже после того, как брат его весь вышел на свет, и он весь является. Так и случилось с тем и другим народом. Сначала во времена Авраама явилась жизнь церковная, затем, когда она сокрылась, произошел иудейский народ с жизнью подзаконною, а после того явился уже целый новый народ со своими законами. Потому-то повивальная бабка и говорит: «**Как ты расторг себе преграду**»? Прившедший закон пресек свободу жизни. И Писание обыкновенно называет закон преграждением. Так пророк Давид говорит: «**Разрушил Ты ограды ее, так что обрывают ее все, проходящие по пути**» (Пс. 79:13). И Исаия: «**обнес его оградой**» (Ис. 5:2). И Павел: «**и разрушивший стоявшую посреди преграду**» (Еф. 2:14).

4. Другие утверждают, что слова: «**Как ты расторг себе преграду**»? сказаны о новом народе, поскольку он своим появлением упразднил

закон. Видишь ли, что не по немногим и маловажным причинам евангелист упомянул о всей истории Иуды? Для того же упоминается о Руфи и Раав, из которых одна была иноплеменница, а другая блудница, т. е., чтобы научить тебя, что Спаситель пришел уничтожить все наши грехи, пришел как врач, а не как судия. Подобно тому, как те взяли в замужество блудниц, так и Бог сочетал с Собою прелюбодейную природу. Пророки древле применяли это и к синагоге; но она оказалась неблагодарною к своему Супругу. Напротив **Церковь**, единожды освобожденная от отеческих пороков, осталась в объятиях Жениха. Посмотри и на то, что в приключениях Руфи сходно с нашими. Она была чужестранка и доведена до крайней бедности, – и, однако, увидевший ее Вооз, не презрел ее бедности, и не погнушался низким ее происхождением. Точно также и Христос, восприявший **Церковь** иноплеменную и весьма обнищавшую, сделал ее участницею великих благ. И как та никогда не вступила бы в такое супружество, если бы не оставила наперед отца, и не презрела дома, рода, отечества и сродников, так и **Церковь**, когда оставила отеческие нравы, тогда соделалась любезною Жениху. Об этом и пророк, обращаясь к Церкви, говорит: **«Забудь народ твой и дом отца твоего. И возжелает Царь красоты твоей»** (Пс. 44:11–12). Так поступила и Руфь, и чрез то соделалась матерью царей, равно как и **Церковь**, потому что от нее произошел Давид. Итак, евангелист составил родословие и поместил в нем этих жен для того, чтобы такими примерами пристыдить иудеев и научить их не превозноситься. Руфь была родоначальницею великого царя, и Давид не стыдится этого.

Невозможно, совершенно невозможно чрез добродетели или пороки предков быть честным или бесчестным, знаменитым или неизвестным. Напротив, я должен сказать, – хотя бы мои слова показались и странными, – что тот-то более и знаменит, кто, будучи рожден не от добрых родителей, сделался добрым. Итак, никто пусть не гордится предками; но, размышляя о прародителях Господа, пусть отложит всякое тщеславие, и хвалится своими заслугами, а лучше и ими не хвалится. От самохвальства фарисей стал хуже мытаря. Если хочешь показать великую добродетель, не высокоумствуй, и тогда покажешь еще большую; не думай, что, совершив что-нибудь, ты уже и все сделал. Если мы становимся праведными тогда, когда, будучи грешниками, считаем себя тем, что мы в самом деле, как случилось с мытарем, то сколько более тогда, когда, будучи праведными, считаем себя грешниками? Если смиренномудрие и грешников делает праведными, хотя бы то и не было смиренномудрие, но искреннее сознание; и если искреннее сознание имеет такую силу в грешниках, то – смотри, чего не сделает смиренномудрие в праведниках? Итак, не губи трудов своих, не

делай, чтобы твой пот был пролит напрасно, и ты, пробежавши тысячи поприщ, лишился всякой награды. Господь гораздо лучше тебя знает твои заслуги. Если ты дашь чашу холодной воды, – Он и этого не презрит. Если подашь один овол, если только вздохнешь, – Он все примет с великою благосклонностью, и вспомнит, и определит за это великие награды. Для чего же ты рассматриваешь свои добродетели, и постоянно выставляешь их нам напоказ? Или ты не знаешь, что, если хвалишь самого себя, не будешь уже похвален Богом? Равным образом, если ты унижаешь самого себя, Он непрестанно будет прославлять тебя пред всеми? Он не хочет уменьшить награду за труды твои. Что я говорю: уменьшить? Он все делает и устрояет, чтобы и за малое увенчать тебя, и ищет всяких предлогов, за что бы избавить тебя от геенны.

5. Вот почему, хотя бы ты потрудился только одиннадцатый час дня, Господь даст тебе полную награду. «Хотя не за что спасти тебя, скажет Он, Я это делаю для Себя, чтобы не осквернялось имя Мое» (Ср.: «Не для вас Я сделаю это, дом Израилев, а ради святого имени Моего. Не ради вас Я сделаю это, говорит Господь Бог, да будет вам известно». – [Иез. 36:22, 32.](#)). Если только вздохнешь, только прослезись, Он сам тотчас воспользуется всем этим, как случаем к твоему спасению. Итак, не будем превозноситься, будем называть себя непотребными, чтобы быть благопотребными. Если ты сам называешь себя достойным похвалы, то ты непотребен, хотя бы и в самом деле был достоин похвалы; напротив, если ты сам называешь себя непотребным, сделаешься благопотребным, хотя бы был недостоин похвалы. Вот почему должно забывать о своих добрых делах. Но ты скажешь: как можно не знать того, что нам совершенно известно? Что ты говоришь? Ты непрестанно оскорбляешь Господа, живешь в неге и веселии, и не знаешь того, что ты грешил, предавая все забвению, а не можешь позабыть о своих добрых делах? Хотя страх гораздо сильнее, но у нас бывает напротив: каждый день оскорбляя Бога, мы не обращаем на то и внимания, а если подадим бедному хотя малую монету, то носимся с этим постоянно. Это крайнее безумие, и величайший ущерб для того, кто собирает. Забвение добрых своих дел есть самое безопасное их хранилище. И как одежда и золото, если мы раскладываем их на торгу, привлекают многих злоумышленников, а если убираем и скрываем их дома, то соблюдают в полной безопасности, так если и добрые свои дела мы постоянно держим в памяти, то раздражаем Господа, вооружаем врага и возбуждаем его к похищению, а если никто не будет знать их кроме Того, Кому надлежит знать, то они пребудут в безопасности. Итак, не хвались постоянно своими добрыми делами, чтобы кто-нибудь не лишил тебя их, чтобы с тобою не случилось того

же, что было с фарисеем, который носил их на языке своем, откуда и похитил их **дьявол**. Хотя он и с благодарением вспоминал о них, и все возносил к Богу, но и это не спасло его, потому что благодарящему Бога не прилично поносить других, показывать свое преимущество пред большинством и превозноситься пред грешниками. Если ты благодаришь Бога, то тем только и довольствуйся; не говори о том людям, и не осуждай ближнего, потому что это уже не есть дело благодарности. Хочешь знать, как нужно выражать благодарность? Послушай, что говорят три отрока: **«Согрешили мы, и поступили беззаконно»** (Дан. 3:29); **«ибо праведен Ты во всем, что соделал с нами»** (Дан. 3:27), **«и все, что Ты навел на нас... соделал по истинному суду»** (Дан. 3:31). Исповедывать свои согрешения и значит благодарить Бога; кто исповедует свои грехи, тот показывает этим, что он виновен в бесчисленных грехах, и только не получил достойного наказания. Он-то наиболее и благодарит Бога. Итак, будем остерегаться хвалить себя за доброе, потому что это делает нас и пред людьми ненавистными, и пред Богом мерзкими. Потому, чем больше будем делать добра, тем меньше будем говорить о себе. Таким только образом можем приобрести величайшую славу и у Бога и у людей; вернее же сказать – у Бога не только славу, но и награду, и великое воздаяние. Итак, не требуй награды, чтобы получить награду; исповедуй, что ты спасаешься благодатью, чтобы Бог и сам признал Себя твоим должником не только за твои добрые дела, но и за твою благопризнательность. Когда мы делаем добро, то Он нам должен бывает только за наши дела; а когда вовсе и не думаем, что сделали какое-нибудь доброе дело, то Он нам остается должным и за такое наше расположение, и притом более, нежели за дела, – так что такое наше расположение равняется самым добродетелям, а без него и самые дела не важны. Так и мы оказываем благоволение нашим слугам особенно тогда, когда они, во всем услуживая нам с усердием, думают, что еще не сделали для нас ничего важного.

Итак, если и ты желаешь, чтобы твои добрые дела были велики, то не почитай их великими, и тогда они будут велики. Так и сотник говорил: **«Я недостоин, чтобы Ты вошел под кров мой»** (Мф. 8:8), и чрез это сделался достойным, и заслужил удивление более всех иудеев. Так и Павел говорил: **«Недостоин называться Апостолом»** (1Кор. 15:9), и чрез это сделался первым из всех. Так и Иоанн говорил: **«У Которого я недостоин развязать ремень обуви»** (Лк. 3:16), и за то был другом Жениха, и ту руку, которую считал недостойною прикоснуться к сапогам, Христос возложил на Свою главу. Так и Петр говорил: **«Выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный»** (Лк. 5:8), и за это стал основанием Церкви. Подлинно, ничто так не приятно Богу, как если кто

считает себя в числе величайших грешников. Это есть начало всякоголюбомудрия: смиренный и сокрушенный никогда не будет ни тщеславиться, ни гневаться, ни завидовать ближнему, словом – не будет питать в себе ни одной страсти. Разбитую руку, сколько бы мы ни старались, никак не можем поднять вверх; если подобным образом сокрушим и душу, то хотя бы тысяча страстей, надмевая, воздымали ее, она нисколько не поднимется. Если тот, кто плачет о житейских делах, изгоняет все душевные болезни; то гораздо более оплакивающий свои грехи сделается любомудрым. Кто же, скажешь ты, может так сокрушить свое сердце? Послушай Давида, который особенно этим прославился, посмотри на сокрушение его души. Когда он, совершив уже множество подвигов, подвергся опасности лишиться отечества, дома и самой жизни, и в самую минуту несчастья увидел, что один низкий и презренный воин ругается над его бедствием и поносит его, то не только сам он не отвечал ругательствами, но запретил и военачальнику, который хотел его убить, говоря: «**Оставьте его**, потому что **Господь повелел ему**» (2Цар. 16:11). И в другой раз, когда священники просили у него позволения нести за ним кивот, то он не согласился, но что сказал? «**Возврати ковчег Божий в город. Если я обрету милость пред очами Господа, то Он возвратит меня и даст мне видеть его и жилище его. А если Он скажет так: «нет Моего благоволения к тебе», то вот я; пусть творит со мною, что Ему благоугодно**» (2Цар. 15:25–26). А то, что он делал в отношении к Саулу, не раз, не два, но многократно, какую показывает высоту мудрости? Такое поведение было выше ветхого закона, и приближалось к заповедям апостольским. Потому он все принимал от Господа с любовью, не исследуя того, что с ним происходит, но стараясь единственно о том, чтобы всегда повиноваться и следовать данным от Него законам. И по совершении столь великих подвигов, видя принадлежащее себе царство в руках мучителя, отцеубийцы, братоубийцы, притеснителя, беснующегося, он не только тем не соблазнялся, но говорил: если угодно так Богу, чтобы я был гоним, скитался и бегал, а враг мой был в чести, то я принимаю это с любовью, и еще благодарю за бесчисленные бедствия. Он не так поступал, как многие бесстыдные и дерзкие, которые, не совершив и малейшей части его подвигов, едва увидят кого-нибудь в благополучном состоянии, а себя хотя в малой скорби, бесчисленными хулениями губят душу свою. Не таков был Давид, но во всем показывал кротость. Потому и Бог сказал: «**Я обрел Давида**», сына Иессеева, мужа по сердцу Моему (Пс. 88:21). Постараемся и мы иметь такую душу, и что бы с нами ни случилось, будем переносить с кротостью, и здесь, до получения царства, соберем плоды смиренномудрия. «**Научитесь от Меня**, – говорит Господь, – **ибо Я**

кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим» (Мф. 11:29). Итак, чтобы нам наслаждаться покоем и здесь и там, со всем тщанием будем насаждать в душах наших матерь всех благ, т. е. смиренномудрие. С помощью этой добродетели мы сможем без волнений переплыть и море настоящей жизни, и достигнуть тихой пристани, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

* * *

3

В Септуагинте: **«ради тебя расторглась преграда» – и.Н.**

Беседа 4

Мф. 1:17. Итак, всех родов от Авраама до Давида четырнадцать родов; и от Давида до переселения в Вавилон четырнадцать родов; и от переселения в Вавилон до Христа четырнадцать родов.

Почему родословие разделено на три части. – Почему родословие опускается у Марка, но есть у Луки – Для чего Матфей исчисляет количество родов до Христа? – Почему зачатие совершилось не прежде обручения – Непостижимость рождения. – Христос действительно родился от Девы и имеет плоть одинаковую с нами. – Добродетель и мудрость Иосифа. – Почему ангел возвещает ему о зачатии не с самого начала, как Деве. – Каким образом Ангел уверяет его в истине зачатия от Духа Св. – Величие дара отпущения грехов, принесенного Христом, побуждает верующих жить достойно этого дара. – Верующий должен отличаться от неверующего своею доброю жизнью, – равно и всем своим внешним поведением. – Безобразие души можно видеть как в зеркале, изучая жизнь святых мужей. – Человек, дающий волю своим страстям, хуже зверя. – Кто ищет внешней славы, тот бесчестит себя. – Истинную славу дает благочестие. – Пример трех отроков научает предпочитать нищету прелестям богатства. – Увещание творить милостыню.

1. Евангелист разделил все родословие на три части, желая тем показать, что иудеи с переменною правления не делались лучшими; но и во время аристократии, и при царях, и во время олигархии предавались тем же порокам: под управлением судей, священников и царей не оказали никакого успеха в добродетели. Но для чего же евангелист в средней части родословия опустил трех царей, а в последней, поместив двенадцать родов, сказал, что их четырнадцать? Первое предоставляю собственному вашему исследованию, не почитая нужным решать для вас все, чтобы вы не обленились; о втором же

скажем. Мне кажется, что он причисляет к родам время пленения, и самого Иисуса Христа, всюду совокупляя Его с нами. И кстати упоминает о пленении, показывая, что иудеи и в плену не сделались благоразумнее, так что из всего была видна необходимость пришествия Христова. Но скажут: Почему Марк не делает того же, и не излагает родословия Иисусова, а говорит обо всем кратко? Думаю, что Матфей прежде других писал Евангелие, – почему и излагает с точностью родословие, и останавливается на важнейших обстоятельствах, а Марк писал после него, – почему наблюдал краткость как повествующий о том, что было уже пересказано, и сделалось известным. А почему Лука излагает также родословие, и притом еще полнее? Потому, что он, имея в виду Евангелие Матфея, хочет доставить нам больше сведений, чем Матфей. Притом каждый из них подражал учителю, – один Павлу, который разливается как река, а другой Петру, который любит краткость. А почему Матфей в начале Евангелия не сказал по примеру пророков: «**Видение, которое я видел**» (Иез.11:24), или: «**И было ко мне слово Господне**» (Иез.37:15, 38:1)? Потому, что писал к людям благомыслящим, и таким, которые были к нему весьма внимательны. И бывшие чудеса подтверждали им писанное, и читатели исполнены были веры. Во времена же пророков не было столько чудес, которые бы подтверждали их **проповедь**, напротив являлось множество лжепророков, которым охотнее внимал иудейский народ, – почему им и нужно было таким образом начинать свои пророчества. А если когда и бывали чудеса, то бывали для язычников, чтобы они в большем числе обращались к иудейству, и для явления силы Божией, когда враги, покорявшие себе иудеев, думали, что они победили их силою своих богов. Так случилось в Египте, откуда вышло за иудеями множество народа; таковы же после были в Вавилоне – чудо в печи и сновидения. Впрочем, были чудеса и в пустыне, когда находились там иудеи одни, как было и у нас; и у нас явлено множество чудес, когда мы выходили из заблуждения. Но после, когда благочестие всюду насаждено, чудеса прекратились. Если же бывали чудеса у иудеев и после, то не в большом числе и изредка, как то: когда остановилось солнце, и в другой раз, когда отступило назад. Опять и у нас можно видеть тоже: и в наше время с Иулианом, превзошедшим всех в нечестии, много совершилось чудесного. Когда иудеи предприняли восстановление иерусалимского храма, огонь вышел из-под основания и помешал работам; и когда Иулиан безумно посягнул поругаться над священными сосудами, хранитель сокровищ и дядя Иулианов, соименный ему, первый умер – изъеденный червями, а другой развалился пополам. И то было весьма важное чудо, что во время принесения там жертв иссякли источники, и что в царствование Иулианово города были постигнуты голодом.

2. Бог обыкновенно творит знамения, когда умножается зло. Когда видит, что Его рабы утеснены, а противники без меры упиваются мучительством над ними, тогда показывает собственное Свое владычество. Так поступил Он с иудеями в Персии. Итак, из сказанного видно, что евангелист не без причины и не случайно разделил предков Христовых на три части. Заметь же, кем начинается, и кем оканчивается. Начав с Авраама, ведет родословие до Давида; потом с Давида до переселения Вавилонского, а с последнего до самого Христа. Как в начале всего родословия обоих – Давида и Авраама – поставил рядом, так точно упомянул об обоих и в конце родословия, потому что, как я прежде сказал, им даны были обетования. Почему же, упомянув о переселении в Вавилон, не упомянул о переселении в Египет? Потому что египтян иудеи уже не боялись, а вавилонян еще трепетали, и потому что первое случилось давно, а последнее недавно; притом в Египет отведены были не за грехи, а в Вавилон за беззакония. Если же кто пожелает вникнуть в значение самих имен, то и здесь найдет много предметов для созерцания, много такого, что послужит к объяснению нового завета; таковы имена Авраама, Иакова, Соломона и Зоровавеля, так как имена эти даны им не без намерения. Но чтобы не наскучить вам продолжительностью, умолчим об этом и займемся необходимым. Итак, когда евангелист перечислил всех предков и окончил Иосифом, он не остановился на этом, но присовокупил: **«Иосифа, мужа Марии»**, показывая, что для Марии упоминал в родословии об Иосифе. Потом, чтобы ты, услышав о муже Марии, не подумал, что Иисус родился по общему закону природы, смотри, как он устраняет эту мысль дальнейшими словами. Ты слышал, говорит он, о муже, слышал о матери, слышал об имени, данном младенцу; теперь выслушай и то, как Он родился.

Мф.1:18. Рождество Иисуса Христа было так.

Скажи мне, о каком рождении говоришь ты? Ты уже сказал мне о предках. Хочу, говорит евангелист, сказать и об образе рождения. Видишь ли, как он возбудил внимание слушателя? Как бы намереваясь сказать нечто новое, обещает изъяснить образ рождения. И заметь, какой превосходный порядок в рассказе. Не вдруг стал говорить о рождении, но прежде напоминает нам, которым был Христос (в порядке родов) от Авраама, которым от Давида и от переселения в Вавилон; а этим побуждает слушателя тщательно исследовать время, желая показать, что Он есть тот самый Христос, Который предвозвещен пророками. В самом деле, когда исчислишь роды и по времени узнаешь, что Иисус есть точно Христос, тогда без затруднения поверишь и чуду, совершившемуся в рождении. Поелику же евангелисту нужно было говорить о великом деле, каково рождение от

Девы, то сперва, не приступая к исчислению времени, он с намерением затемняет речь, упоминая о муже Марии, и даже прерывает повествование о рождении, а потом исчисляет уже лета, напоминая слушателю, что рожденный есть Тот самый, о Котором говорил патриарх Иаков, что Он явится при оскудении князей от Иуды, и о Котором пророк Даниил предвозвестил, что Он придет по истечении многих седмиц. И если кому угодно те годы, которые ангел определил Даниилу числом седмиц, от построения города вычислить до рождения Иисусова, тот увидит, что время рождения Его согласно с предсказанием. Итак, скажи, как Иисус родился?

По обручении Матери Его Марии.

Не сказал «Деве», но просто «Матери», чтобы речь была понятнее. Но, приведя сперва слушателя в ожидание услышать нечто обыкновенное и удержав его в этом ожидании, вдруг изумляет присовокуплением необыкновенного, говоря:

Прежде нежели сочетались они, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святаго.

Не сказал: прежде, нежели приведена была в дом к жениху, она жила уже у него в доме, так как у древних было обыкновение держать обрученных по большей части в своем доме, чему и ныне еще можно видеть примеры. И зятья Лотовы жили в доме у Лота. И так и Мария жила в одном доме с Иосифом.

3. Но почему не прежде обручения Она зачала во чреве? Чтобы, как я сказал еще в начале, зачатие до некоторого времени оставалось тайною, и Дева избегла всякого худого подозрения. Тот, которому надлежало ревновать более всякого другого, не только не отсылает ее от себя и не бесчестит, но принимает, и оказывает ей услуги во время беременности. Но явно, что, не будучи твердо удостоверен в зачатии по действию Св. Духа, не стал бы держать ее у себя и во всем ей услуживать. Притом весьма выразительно сказал евангелист: «**Оказалось, что Она имеет во чреве**», – как обыкновенно говорится о происшествиях особенных, случающихся сверх всякого чаяния и неожиданных. Итак, не простирайся далее, не требуй ничего больше сказанного, и не спрашивай: каким образом Дух образовал Младенца в Деве? Если при естественном действии невозможно объяснить способа зачатия, то как можно объяснить его, когда чудодействовал Дух? Чтобы ты не беспокоил евангелиста и не утруждал его частыми об этом вопросами, он освободил себя от всего, наименовав Совершившего чудо. Ничего больше не знаю, говорит он, а знаю только, что событие совершилось силою Духа Святого. Пусть стыдятся те, кто старается постигнуть сверхъестественное рождение! Если никто не может изъяснить того рождения, о котором есть тысячи свидетелей, которое за столько веков

предвозвещено, которое было видимо и осязаемо, то до какой степени безумны те, которые с любопытством исследуют и тщательно стараются постигнуть рождение неизреченное? Ни Гавриил, ни Матфей не могли ничего более сказать, кроме того, что родившееся есть от Духа; но как, и каким образом родилось от Духа, этого никто из них не объяснил, потому что было невозможно. Не думай также, что ты все узнал, когда слышишь, что Христос родился от Духа. Узнав и об этом, мы еще многого не знаем, например: как невместимый вмещается в утробе? Как всесодержащий носится во чреве жены? Как дева рождает, и остается девою? Скажи мне, как Дух устроил этот храм? Каким образом не всю плоть принял от утробы, но только часть ее, которую потом возрастил и образовал? А что точно произошел из плоти Девы, евангелист ясно показал это словами: **«От Которой родился» (Мф.1:16); и Павел словами: «Который родился от жены» (Гал.4:4).** От жены, говорит он, – заграждая уста тем, которые утверждают, что Христос прошел чрез Марию, как бы сквозь некоторую трубу. Если это справедливо, то нужна ли была и девическая утроба? Если это справедливо, то Христос не имеет с нами ничего общего; напротив плоть Его различна с нашею, не одинакового с нею состава. И как же назвать Его тогда происшедшим от корня Иессеева? Жезлом? Сыном Человеческим? Как и Марию назвать Матерью? Как сказать, что Христос произошел от семени Давидова? Воспринял зрак раба? Что **«Слово стало плотию» (Ин.1:14)?** Почему же Павел сказал римлянам: **«От них Христос по плоти, сущий над всем Бог» (Рим. 9:5)?** Из этих слов и из многих других мест Писания видно, что Христос произошел от нас, из нашего состава, из девической утробы; а каким образом, того не видно. Итак, и ты не разыскивай, но верь тому, что открыто, и не старайся постигнуть того, что умолчано.

Мф. 1:19. Иосиф же муж Её, будучи праведен, – говорит евангелист, – **и не желая огласить Её, хотел тайно отпустить Её.**

Сказавши, что (родившееся от Девы) есть от Духа Святого и без плотского совокупления, он приводит на это еще новое доказательство. Иной мог бы спросить: откуда это известно? Кто видел, кто слышал, чтобы когда-либо случилось что-либо подобное? Но чтобы ты не подозревал ученика, что он по любви к Учителю выдумал это, евангелист вводит Иосифа, который тем самым, что в нем происходило, утверждает в тебе веру в сказанное. Евангелист как бы так говорит здесь: ежели ты не веришь мне и заподозриваешь мое свидетельство, то поверь мужу. **"Иосиф же, – говорит, – муж Её, будучи праведен».** Здесь он называет праведным того, кто имеет все добродетели. Хотя быть праведным – значит не присваивать себе чужого; но праведностью же называется и совокупность добродетелей. В этом-то особенном смысле

Писание и употребляет слово «праведность», когда, например, говорит: «Человек этот непорочен, справедлив» (Иов. 1:1), и еще: «Оба они были праведны» (Лк. 1:6).

4. Итак Иосиф, будучи праведным, т. е. добрым и кротким, «хотел тайно отпустить Ее». Для того евангелист описывает случившееся еще во время незнания Иосифова, чтобы ты не сомневался в происшедшем по узнанию. Хотя подозреваемая не только заслуживала быть опозоренною, но закон повелевал даже наказать Ее, однако Иосиф избавил Ее не только от большего, но и от меньшего, т. е. от стыда, – не только не хотел наказать, но и опозорить. Не признаешь ли в нем мужа мудрого, и свободного от мучительнейшей страсти? Вы сами знаете, что такое ревность. Потому-то, вполне знавший эту страсть, сказал: «Ревность – ярость мужа, и не пощадит он в день мщения» (Притч. 6:34). «Люта, как преисподняя, ревность» (Песн. 8:6). И мы знаем многих, которые готовы лучше лишиться жизни, нежели быть доведенными до подозрения и ревности. А здесь было уже не простое подозрение: Марию изобличили ясные признаки беременности; и однако, Иосиф столько был чужд страсти, что не захотел причинить Деве даже и малейшего огорчения. Так как оставить Ее у себя казалось противным закону, а обнаружить дело и представить Ее в суд значило предать Ее на смерть, то он не делает ни того, ни другого, но поступает уже выше закона. Подлинно, по пришествии благодати, надлежало явиться многим знамениям высокой мудрости. Как солнце, не показавши еще лучей, издали озаряет светом большую часть вселенной, так и Христос, восходя из девической утробы, прежде, нежели явился, просветил всю вселенную. Вот почему еще до рождения Его пророки ликовали, и жены предсказывали будущее, и Иоанн, не выйдя еще из утробы, взыгрался во чреве. И Иосиф показал здесь великую мудрость, не обвинял и не порицал Девы, а только намеревался отпустить Ее. Когда он находился в таком затруднительном положении, является ангел и разрешает все недоумения. Здесь достойно исследования то, почему ангел не пришел прежде, пока муж не имел еще таких мыслей, но приходит тогда, когда он уже помыслил. «Но когда он помыслил это» (Мф. 1:20), – говорит евангелист, ангел приходит; между тем Деве благовествует еще до зачатия, – что опять приводит к новому недоумению. Если Иосифу не сказал ангел, то почему умолчала Дева, слышавшая от ангела, и видя жениха своего в смущении, не разрешила его недоумения? Итак, почему ангел не сказал Иосифу прежде его смущения? Прежде надобно разрешить первый вопрос. Почему же не сказал? Чтобы Иосиф не обнаружил неверия, и с ним не случилось того же, что с Захариею. Не трудно поверить делу, когда оно уже пред глазами; а когда нет и начала

его, тогда слова не так легко могут быть приняты. Потому-то ангел и не сказал сначала; по той же причине молчала и Дева. Она думала, что не уверит жениха, сообщив о необыкновенном деле, а напротив огорчит его, подав мысль, что прикрывает сделанное преступление. Если сама Она, слыша о даруемой Ей такой благодати, судит по-человечески: и говорит: **«Как будет это, когда Я мужа не знаю?»** (Лк. 1:34), – то гораздо более усомнился бы Иосиф, особенно слыша это от подозреваемой жены.

5. Вот почему Дева вовсе не говорит Иосифу, а ангел является, когда потребовали обстоятельства. Почему же, скажут, не также поступлено и с Девой, почему и Ей возведено не после зачатия? Чтобы предохранить Ее от смущения и большего смятения. Не зная дела ясно, Она естественно могла бы решиться сделать с собою худое, и, не перенесши стыда, прибегнуть к петле или к мечу. Поистине, Дева была во всем достойна удивления; и евангелист Лука, изображая Ее добродетель, говорит, что, когда услышала приветствие, не вдруг предалась радости и поверила сказанному, но смутилась и размышляла: **«Что бы это было за приветствие»** (Лк. 1:29)? Будучи таких строгих правил, Дева могла бы от печали лишиться ума, представив стыд и не видя надежды, чтобы кто-нибудь поверил Ее словам, что Ее беременность не следствие прелюбодеяния. Итак, чтобы этого не случилось, ангел пришел к ней до зачатия. Надобно было, чтобы не знала смущения та, в чью утробу вошел Творец всяческих; чтобы свободна была от всякого смятения душа, удостоившаяся быть служительницею таких тайн. Вот почему ангел возвещает Деве до зачатия, а Иосифу во время беременности Ее. Многие по простоте и по недоразумению находили разногласие в том, что ев. Лука упоминает о благовествовании Марии, а св. Матфей о благовествовании Иосифу, не зная, что было то и другое. То же самое необходимо наблюдать и во всем повествовании; таким образом мы решим многие кажущиеся разногласия. Итак, ангел приходит к смущенному Иосифу. Доселе явления не было как по сказанной выше причине, так и для того, чтобы обнаружилось любомудрие Иосифа. А когда дело приблизилось к исполнению, ангел, наконец, является.

Мф. 1:20. Но когда он помыслил это, – се, Ангел Господень является Иосифу **во сне**.

Примечаешь ли кротость этого мужа? Не только не наказал, но и не сказал никому, даже самой подозреваемой, а размышлял только с собою, и от самой Девы старался скрыть причину смущения. Не сказал евангелист, что Иосиф хотел Ее выгнать, но – отпустить: так он был кроток и скромн! **«Но когда он помыслил это»**, ангел является во сне. Почему же не наяву, как является пастырям, Захарии и Деве? Иосиф

имел много веры; для него не нужно было такого явления. Для Девы нужно было необыкновенное явление прежде события, потому что благовествуемое было весьма важно, важнее, нежели благовествуемое Захарии; а для пастырей нужно было явление, потому что это были люди простые. Иосиф получает откровение по зачатию, когда душа его объята уже была худым подозрением, и вместе готова перейти к благим надеждам, если бы только явился кто-нибудь и указал удобный к тому путь. Для того благовествуется после зародившегося подозрения, чтобы это самое послужило доказательством сказанного ему. О чем никому не говорил, но только помыслил в уме, о том услышать от ангела служило несомненным признаком, что ангел пришел и говорит от Бога, потому что одному Богу свойственно знать сердечные тайны. Видишь, сколько достигается целей! Обнаруживается любомудрие Иосифа; благовременность сказанного помогает ему в вере; самое повествование делается несомненным, так как показывает, что Иосиф был точно в таком положении, в каком следовало быть.

6. Каким же образом ангел уверяет его? Послушай и подивись мудрости того, что сказано. Пришедши, ангел говорит ему: **«Иосиф, сын Давидов! не бойся принять Марию, жену твою»** (Мф.1:20). Тотчас приводит ему на память Давида, от которого должен был произойти Христос, и не дает оставаться ему в смущении, наименованием предков напомним об обетовании, данном всему роду. Иначе, для чего бы его называть сыном Давидовым? **«Не бойся»**. В других случаях Бог поступает не так; и когда некто против супруги Авраамовой умышлял, чего не должно, Бог употребил сильнейшие выражения и угрозу, хотя и там причиною было неведение. Фараон взял к себе Сарру по незнанию, однако же, Бог привел его в страх. Но здесь Бог поступает снисходительнее потому, что совершалось дело весьма важное, и большая была разность между фараоном и Иосифом, почему и не нужно было угроз. Сказавши же: **«Не бойся»**, показывает, что Иосиф боялся оскорбить Бога, держа в доме подозреваемую в прелюбодействе, потому что, если бы этого не было, он и не подумал бы Ее отпускать. Итак, из всего открывается, что ангел пришел от Бога, обнаруживая и пересказывая все, о чем Иосиф размышлял, и чем был встревожен ум его. Изрекши же имя Девы, ангел не остановился на этом, но присовокупил: **«жену твою»**, каким именем не назвал бы, если бы Ее девство было растлено. Женою же называет здесь обрученную: так обыкновенно Писание обрученных еще до брака называет зятьями. Что же значит: **«принять»**? Удержать у себя в доме, потому что Иосиф мысленно уже отпустил Деву. Эту-то отпущенную, говорит ангел, удержи у себя; ее поручает тебе Бог, а не родители. Поручает же ее не для брака, но чтобы жить вместе; вручает, объявляя о том чрез меня.

Как Христос после поручил Ее ученику, так ныне поручается Она Иосифу. Потом ангел, намекнув о причине своего явления, умолчал о худом Иосифовом подозрении; а между тем уничтожил его скромнее и благопристойнее, изъяснив причину зачатия и показав, что по тому самому, почему Иосиф опасался и хотел Ее отпустить, он должен принять и удержать Ее у себя, и, таким образом, совершенно освободил его от беспокойства. Она не только чиста от незаконного смешения, говорит ангел, но и зачала во чреве сверхъестественным образом. Потому не только отложи страх, но еще возрадуйся: **«Ибо родившееся в Ней есть от Духа Святаго» (Мф.1:20)**. Странное дело, превосходящее человеческое разумение и превышающее законы природы! Чем уверится в сем Иосиф, не слыхавший о таковых событиях? Открытием прошедшего, говорит ангел. Для того он и обнаружил все, что происходило в уме Иосифовом, чем был он возмущен, чего боялся и на что решался, чтобы чрез это уверить и в том. Справедливее же сказать, ангел уверяет Иосифа не только прошедшим, но и будущим. **«Родит же, – говорит он, – Сына, и наречешь Ему имя Иисус» (Мф. 1:21)**. Хотя родившееся есть от Духа Святого, но не думай о себе, что ты устранен от служения при воплощении. Хотя ты не содействуешь рождению, и Дева пребыла неприкосновенною, однако же, что принадлежит отцу, то, не вредя достоинству девства, предоставляю тебе, то есть, ты дашь имя рождаемому, – ты **«наречешь Ему имя»**. Хотя Он не твой сын, но ты будь Ему вместо отца. Итак, начиная с наречения имени, усвояю тебя рождаемому. Потом, чтобы кто-либо отсюда не заключил, что Иосиф есть отец, послушай, с какою осторожностью говорит ангел далее. **«Родит же, – говорит он, – Сына»**. Не сказал: родит тебе, но выразился неопределенно: родит, так как Мария родила не ему, но целой вселенной.

7. Для того и имя принесено ангелом с небес, чтобы показать, что чудно рождаемое, потому что сам Бог свыше посылает имя чрез ангела Иосифу. Поистине, это не просто было имя, но сокровище бесчисленных благ. Потому ангел и объясняет его, внушает благие надежды, и тем приводит Иосифа к вере. Мы обыкновенно более склонны к благим надеждам, а потому и охотнее им верим. Итак, всем утвердив Иосифа в вере, – и прошедшим, и будущим, и настоящим, и честью, ему оказанною, – ангел, кстати, приводит слова пророка, который все то подтверждает. Но, не приведя еще слов его, возвещает о благах, какие чрез рожденного дарованы будут миру. Какие же это блага? Освобождение от грехов, и уничтожение их. **«Он, – говорит ангел, – спасет людей Своих от грехов их» (Мф.1:21)**. И здесь

возвещается нечто чудное; благовествуется освобождение не от чувственных браней, не от варваров, но – что гораздо важнее – освобождение от грехов, от которых прежде никто не мог освобождать. Для чего же, спросят, сказал: «Людей Своих», а не присовокупил – и язычников? Чтобы не изумить вдруг слушателя. Разумному слушателю он дал разуместь и о язычниках, потому что люди Его, суть не одни иудеи, но и все приходящие и приемлющие от Него познание. Смотри же, как открыл нам и достоинство Его, назвавши иудейский народ людьми Его. Этим ангел показывает то именно, что рождающийся есть Сын Божий, и что он говорит о горнем Царе, так как, кроме этого единого Существа, никакая другая сила не может отпускать грехи. Итак, получив таковой дар, примем все меры, чтобы не поругать столь великого благодеяния. Если наши грехи достойны были наказания и прежде такой чести, то тем более достойны после такого неизреченного благодеяния.

И это говорю теперь не без причины. Я вижу, что многие после крещения живут небрежнее некрестившихся, и даже не имеют никакого признака христианской жизни. Потому-то ни на торжище, ни в Церкви не скоро различишь, кто верующий, и кто неверующий; разве только при совершении таинств можешь увидеть, что одни бывают высылаемы, а другие остаются в храме. Между тем следовало бы отличаться не по месту, а по нраву. Достоинства внешние обыкновенно познаются по внешним признакам, а наши достоинства надобно распознавать по душе. Верующий должен быть виден не только по дару, но и по новой жизни. Верующий должен быть светильником для мира и солью. А если ты самому себе не светишь, не предотвращаешь собственной гнилости, то по чему нам узнать тебя? По тому ли, что ты погружался в священные воды? Но это может довести тебя до наказания. Величие почести для нежелающих жить сообразно этой почести увеличивает казнь. Верующий должен блистать не тем одним, что получил от Бога, но и тем, что ему собственно принадлежит; надобно, чтобы он по всему был виден – и по поступи, и по взору, и по виду, и по голосу. Говорю об этом для того, чтоб нам наблюдать благоприличие не для показа, а для пользы тех, кто смотрит на нас. А теперь, с которой стороны ни стараюсь распознать тебя, везде нахожу тебя в противоположном состоянии. Хочу ли заключить о тебе по месту, – вижу тебя на конских ристалищах, на зрелищах, вижу, что ты проводишь дни в беззакониях, в худых сходбищах, на рынке, в сообществе с людьми развратными. Хочу ли заключать о тебе по виду твоего лица, – вижу, что ты непрестанно смеешься и рассеян, подобно развратной блуднице, у которой никогда не закрывается рот. Стану ли судить о тебе по одежде, – вижу, что ты наряжен ничем не лучше

комедианта. Стану ли судить о тебе по спутникам твоим, – вижу, что ты водишь за собою тунеядцев и льстецов. Стану ли судить о тебе по словам, – слышу, что ты не произносишь ничего здорового, дельного, полезного для нашей жизни. Буду ли судить о тебе по твоему столу, – здесь открывается еще более причин к осуждению.

8. Итак, скажи мне, по чему могу узнать, что ты верный, когда все исчисленное мною уверяет в противном? И что говорю – верный? Даже человек ли ты, и того не могу узнать доподлинно. Когда лягаешься, как осел; скачешь как вол; ржешь на женщин, как конь; объедаешься, как медведь; утучняешь плоть, как лошак; злопамятен, как верблюд; хищен, как волк; сердит, как змея; язвителен, как скорпион; коварен, как лисица; хранишь в себе яд злобы, как аспид и ехидна; враждуешь на братьев, как лукавый демон, – как могу счесть тебя человеком, не видя в тебе признаков естества человеческого? Ища различия между оглашенным и верным, подвергаюсь опасности не найти различия даже между человеком и зверем. Как, в самом деле, назову тебя зверем? Ведь у каждого зверя какой-нибудь один из этих пороков. А ты, совокупив в себе все пороки, далеко превосходишь и их своим неразумием. Назову ли тебя бесом? Но бес не служит мучительству чрева, не любит денег. А когда в тебе больше пороков, нежели в зверях и бесах, скажи мне, как можно назвать тебя человеком? Если же нельзя назвать тебя человеком, то как назовем тебя верным? А что всего печальнее, находясь в столь худом состоянии, мы и не помышляем о безобразии души своей, не имеем и понятия об ее гнусности. Когда ты сидишь у брадобрея и стрижешь волосы, то, взявши зеркало, со всем вниманием рассматриваешь прическу волос, спрашиваешь близ стоящих, и того, кто стриг, хорошо ли они лежат у тебя на лбу? Будучи стариком, часто не стыдишься до неистовства предаваться юношеским мечтам. А того, что душа наша не только безобразна, но даже зверообразна, и стала сциллою или химерою, упоминаемыми в языческом баснословии, нимало не чувствуем, хотя и здесь есть духовное зеркало, которое гораздо лучше и полезнее вещественного, потому что не только показывает безобразие, но даже, если захотим, превращает его в несравненную красоту. Таким зеркалом служит память о добрых мужах, и повествование об их блаженной жизни, чтение Писания, законы от Бога данные. Если захочешь однажды посмотреть на изображения тех святых, увидишь гнусность своего сердца; а увидев, ни в чем другом не будешь иметь уже нужды, чтобы избавиться от своего безобразия. Вот для чего и полезно нам это зеркало; оно делает удобным превращение. Итак, никто не оставайся в образе бессловесных. Если раб не входит в дом отца, то, как ты можешь вступить в преддверия дома, будучи зверем? И что говорю – зверем?

Такой человек хуже всякого зверя. Зверь, хотя по природе дик, но часто посредством человеческого искусства делается кротким. А ты, который природное их зверство превращаешь в несвойственную им по природе кротость, какое извинение будешь иметь, когда свою природную кротость превращаешь в неестественное зверство? Дикого по природе делаешь смирным; а себя, по природе смиренного, против природы обращаешь в дикого? Льва укрощаешь и делаешь ручным; а своему гневу попускаешь быть неукротимее льва? В первом случае встречаются два затруднения: то, что зверь лишен разума, и то, что он всех сердитее; и однако, ты, по избытку мудрости, данной тебе от Бога, преодолеваешь и природу. Как же ты, в зверях препобеждающий природу, в себе самом изменяешь и природе и совершенству воли? Если бы я велел тебе сделать кротким другого человека, ты не счел бы моего приказа невозможным, хотя и мог бы мне возразить, что ты не господин чужой воли, и что не все от тебя зависит. Но теперь велю тебе укротить собственного твоего зверя, над которым ты полный господин.

9. Итак, чем оправдаешься в том, что не владеешь природою? Какое можешь представить благовидное извинение в том, что из льва делаешь человека, а о себе не заботишься, когда из человека делаешься львом; ему сообщаем свойства выше его природы, а в себе не сохраняешь и естественных? Диких зверей стараешься довести до одинакового с нами благородства, а себя самого низвергаешь с царского престола, и доходишь до зверского неистовства? Представь себе, если хочешь, что и гнев есть зверь, и сколько другие стараются над обучением львов, столько покажи старания над собою, и необузданный ум свой содейлай тихим и кротким; ведь гнев имеет столь страшные зубы и когти, что истребит все, если не укротишь его. Даже лев и ехидна не могут терзать внутренностей с такою жестокостью, как гнев непрестанно терзает железными когтями. Он не только вредит телу, но расстраивает самое здоровье души, поедая, терзая, раздробляя всю силу ее, и делая ее ни к чему неспособною. У кого внутри завелись черви, тот не может дышать, потому что все внутренности его изъедены. Как же мы можем породить что-нибудь благородное, нося внутри себя такого змия, — разумею гнев, — снedaющего внутренности наши? Каким образом избавимся от этой язвы? Если будем употреблять питье, которое может умертвить внутренних червей и змей. Но какое питье, спросишь, имеет такую силу? Честная кровь Христова, если с упованием приемлется. Она может врачевать всякую болезнь. Затем внимательное слушание божественных Писаний и присоединяемая к тому милостыня. Всеми этими средствами могут быть умерщвлены страсти, расслабляющие нашу душу. И тогда только будем жить, а теперь мы ничем не лучше мертвых. Когда живы страсти, нам

невозможно жить, но необходимо должно погибнуть. Если не успеем умертвить их здесь, то они умертвят нас там. Вернее же сказать, еще здесь прежде той смерти подвергнут нас жесточайшему наказанию. Каждая из этих страстей жестока, мучительна, ненасытна, и, каждый день поедая нас, ничем не удовлетворяется. Зубы их – зубы львиные, и даже страшнее львиных. Когда лев сыт, тотчас оставляет попавшееся ему тело. А страсти никогда не насыщаются и не отстают, доколе уловленного ими человека не увлекут к [дьяволу](#). Такова сила страстей, что они требуют от пленников своих такого же рабства, в какое предался Христу Павел, презиравший для Него и геенну и царство. Тот, кто впадает в плотскую ли любовь, или сребролюбие, или честолюбие, начинает уже смеяться над геенною и презирать царство, только бы исполнить ему волю тех страстей. Итак, поверим Павлу в том, что он столько любил Христа. Когда есть люди в такой же степени раболепствующие страстям, что же невероятного в любви Павловой? Потому и слабее наша любовь ко Христу, что вся наша сила исощается на любовь порочную, и мы хищники, сребролюбцы, рабы суетной славы. А что может быть ничтожнее этой славы? Если сделаешься и в тысячу раз знатнее, ничем не лучше будешь людей неизвестных. Напротив, чрез это самое сделаешься даже бесчестнее. Когда те, которые тебя прославляют и выставляют знаменитым, смеются над тобою за то самое, что ты желаешь от них славы, то твое усердие не произведет ли противного твоему желанию?

10. Эти люди поступают как обличители. Кто хвалит преданного прелюбодеянию или блуду и льстит ему, тот этим самым более обличает, нежели хвалит похотника. Равным образом, если все мы хвалим пристрастного к славе, то более обличаем, нежели хвалим славлюбивого. Итак, для чего же ты много заботишься о таком деле, которого следствия всегда противны твоей цели? Если хочешь прославиться, презирай славу, и будешь славнее всех. Для чего тебе подвергаться тому же, что случилось с Навуходоносором? Он поставил статую, думая получить еще большую славу от дерева и бесчувственного изображения, имеющий жизнь хотел прославиться чрез то, что не имеет жизни. Видишь ли крайнее безумие? Думая почтить себя, он более обесчестил, показав, что более надеется на бездушную вещь, нежели на самого себя и на живую душу свою, – почему и воздал такое предпочтение дереву. Не достоин ли он посмеяния за то, что ищет себе похвалы не в нравах, а в досках? Это все равно, как если бы кто вздумал больше хвалиться полом в доме, или красивою лестницею, нежели тем, что он человек. Между тем и из нас многие подражают ныне Навуходоносору. Как он своим изображением, так из нас иные думают удивлять одеждами, другие домом, лошадьми,

колесницами, колоннами, находящимися в домах их. Погубивши в себе достоинство человека, они ходят и ищут себе совсем смешной славы в других предметах. Знаменитые и великие слуги Божии не этим просияли, но чем надлежало. Они были и пленники, и рабы, и юноши, и чужестранцы; не имели у себя ничего собственного, но оказались гораздо почтеннее того, кто всем изобилует. Ни огромная статуя, ни вельможи, ни вожди, ни бесчисленные войска, ни множество золота, ни вся пышность не могли удовлетворить страсти Навуходоносора показать себя великим. А для слуг Божиих, лишенных всего, довольно было одного любомудрия. Не имея у себя ничего, они оказались столько же блистательнее носящего диадему и порфиру и обладающего всем, сколько солнце блистательнее жемчужин. На позор целого мира приведены были юноши, пленные рабы, и едва появились, как глаза царицы засверкали огнем, окружили их вожди, правители, чиновники и все сонмище бесовское; отовсюду звук флейт, труб и всяких музыкальных орудий, несясь до небес, огласил слух их. Пещь пылала до безмерной высоты, и пламя ее касалось самых облаков; все было исполнено страха и ужаса. Но юношей ничто не устрашало. Напротив, посмеявшись, как над детскою игрою, они показали мужество и кротость, и громогласнее тех труб зывали: **«Да будет известно тебе, царь»** (Дан. 3:18)! Они и словом не хотели оскорбить мучителя, а желали только показать свое благочестие. Потому не стали распространяться и в словах, но все выразили кратко: **«Бог наш, – говорят они, – Которому мы служим, силен спасти нас от печи»** (Дан. 3:17). Для чего выставляешь перед нами множество народа? Что нам пещь? К чему острые мечи, страшные копьеносцы? Наш Владыка выше и сильнее всего этого. Потом, подумавши, что может быть Богу так угодно, и Он попустил им быть сожженными, – чтобы и в таком случае не назвали их лжецами, они в заключение присовокупили: **«Если же и не будет того, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем»**.

11. Если бы они, предположив, что Бог действительно их не избавит, сказали, что Он не избавляет за грехи, то им не поверили бы. Поэтому они пред царем о грехах умалчивают, а говорят о том в пещи; там вспоминают все грехи свои. Пред царем же ничего подобного не произносят, а только то, что они не изменяют благочестию, хотя бы им надлежало сгореть. Не для наград и воздаяний, но из одной любви делали они все, что ни делали; несмотря на то, что были в плену и рабстве, не пользовались никакими благами, лишились отечества, свободы и всего имущества. Не говори мне о почестях, какие даны им при царском дворе. Святые и праведные юноши в тысячу раз охотнее согласились бы собирать милостыню в своем отечестве и наслаждаться красотою храма, как говорит Давид: **«Желаю лучше быть у порога в**

доме Божиим, нежели жить в шатрах нечестия»; и «один день во дворах Твоих лучше тысячи» (Пс. 83:11). В тысячу раз охотнее согласились бы они быть последними в своем отечестве, нежели царствовать в Вавилоне. Это видно из того, что говорят они в печи о тягостях пребывания в Вавилоне. Хотя сами они и пользовались великими почестями, но, видя бедствия других, жестоко терзались. Таково преимущественное свойство святых – ни славы, ни чести и ничего другого не предпочитать спасению ближних. Смотри, как они в печи молились за весь народ. А мы и при покойной жизни не помним о братьях. Равным образом, когда они старались объяснить и сны, они имели в виду не свою пользу, но пользу многих. Что они презирали смерть, это они доказали впоследствии многими опытами. Они на все готовы, только бы умиловать Бога. Поелику же признают себя к тому неспособными, то прибегают к отцам, и говорят, что сами ничего не могут принести, кроме сокрушенного духа. Будем и мы подражать им. Ведь и пред нами стоит золотой образ, мучительская власть мамоны. Но не будем внимать тимпанам, трубам, арфам и другим прелестям богатства; и хотя бы надлежало впасть в печь нищеты, предпочтем эту нищету, только бы не поклониться идолу, – и будет роса среди печи шумящая. Итак, не убоимся, слыша о печи нищеты. И тогда вверженные в печь стали блистательны, а поклонившиеся идолу убиты. Но тогда все произошло в одно время, а теперь одно исполняется здесь, а другое в будущей жизни, иное же и здесь, и там. Избравшие нищету, чтобы не кланяться мамоне, будут сиять и здесь и там; а неправедно обогащающиеся здесь понесут там жесточайшее наказание. Из этой печи вышел и Лазарь, блистая не менее трех отроков; а богач, принадлежа к числу поклонявшихся идолу, осужден на мучение в геенне. Одно служит образом другого. Как здесь вверженные в печь ничего не потерпели, а стоявшие вне, мгновенно были сожжены, так будет и тогда. Святые, переходя огненную реку, не почувствуют ничего неприятного, но будут казаться радующимися; а поклонявшиеся идолу увидят, что огонь нападает на них свирепее всякого зверя и увлекает их в геенну. Если кто не верит, что есть геенна, тот, видя халдейскую печь, пусть чрез настоящее уверится в будущем, и убоится не печи нищеты, но печи греха. Грех есть пламень и мучение, а нищета – роса и прохлада. В греховой печи предстоит дьявол, а в печи нищеты – ангелы, отражающие пламень.

12. Пусть внимают этому богачи, возжигающие пламень нищеты! Бедным не сделают они никакого вреда, потому что на них сходит роса; а самих себя сделают жертвою пламени, который зажгли собственными руками. Тогда ангел сошел к трем отрокам, а ныне мы сойдем к находящимся в печи нищеты, и милостынею произведем росу,

отразим пламень, – чтобы и нам вместе с ними получить венцы, чтобы и для нас рассеялся пламень геенский от гласа Христова: вы видели Меня жаждущего, и напоили (Мф. 25:35). Этот глас будет тогда для нас росой, шумящею посреди пламени. Итак, сойдем с милостынею в печь бедности, посмотрим на любомудрых, ходящих в ней и попирающих угли; посмотрим на чудо новое и странное, на человека в печи поющего, на человека в огне благодарящего, связанного крайнею нищетою и воздающего великие хвалы Христу. Кто с благодарением переносит нищету, тот равен трем отрокам, потому что бедность страшнее огня, и обыкновенно сильнее опаляет. Однако, отроков не опалил пламень, и узы их разрешились мгновенно, лишь только они принесли благодарение Господу. Так и теперь: если ты, впад в бедность, будешь благодарить, то и узы разрешатся, и пламень угаснет. А если не угаснет, то совершится еще большее чудо – пламень сделается источником, как случилось и тогда. Посреди печи они прохлаждались чистою росой, которая хотя не угасила пламени, но препятствовала огню жечь вверженных туда. То же можно заметить и в любомудрых: и они в нищете более свободны от страха, нежели богатые. Итак, не будем стоять вне печи, то есть, не имея милосердия к нищим, – чтобы не потерпеть нам того же, что случилось тогда с бывшими около печи. Если ты сойдешь к отрокам и станешь с ними, то огонь не причинит тебе никакого зла; а если станешь вверху, и будешь смотреть на тех, которые находятся в огне нищеты, то пламень сожжет тебя. Итак, сойди в огонь, чтобы не сгореть от огня. Не стой вне огня, чтобы не увлек тебя пламень. Если огонь застигает тебя вместе с бедными, то устранился от тебя; а если увидит тебя чуждающимся их, в ту же минуту нападет на тебя и увлечет тебя. Итак, не отходи от тех, которые ввержены, и когда дьяволнепоклоняющихся злату велит ввергнуть в печь нищеты, то будь в числе не ввергающих, а ввергаемых, чтобы быть тебе в числе спасаемых, а не сожигаемых. Не покоряться страсти сребролюбия и жить в сообществе с бедными – это самая обильная роса. Кто пограл страсть к богатству, тот всех богаче. Как отроки, презревшие тогда царя, сделались блистательнее царя, так и ты, если презришь все мирское, будешь драгоценнее целого мира, подобно тем святым, **«которых весь мир не был достоин»** (Евр. 11:38). Итак, чтобы тебе сделаться достойным небесного, презирай настоящее. Тогда и здесь получишь большую славу, и насладишься будущими благами, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 5

Мф. 1:22–23. А все сие произошло, да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил.

Слушание **проповеди** приносит пользу тогда, когда слышанное припоминается и обсуждается дома. – Смысл выражения: сие же все бысть. – Для чего ангел напоминает Иосифу пророчество Исаии. – Почему Христос называется Эммануилом. – Возражение иудеев против девства Марии опровергается переводом 70-ти, равно как не имеет опоры и в других переводах. – Мария пребыла девою и после рождения. – Пример братьев Христа по плоти показывает, что родство с праведником не приносит пользы, если нет собственной добродетели. – Молитвы праведников не могут спасти тех, которые не радят сами о спасении. – Милостыня, подаваемая и от несправедливо приобретенного имущества, умиляет Бога. – Преступность и вред ростовщичества.

1. Многие, как я слышу, говорят: когда бываем здесь (в храме), и слышанное принимаем к сердцу, тогда приходим в себя, а лишь только удалимся отсюда, становимся опять другими, и огонь ревности в нас гаснет. Что же нам сделать, чтобы этого не было? Посмотрим, отчего это происходит. Итак, отчего бывает с нами такая перемена? Оттого, что занимаемся, чем не следует, и проводим время с худыми людьми. По выходе из церкви не надлежало бы нам приниматься за дела, непристойные церкви; но, пришедши домой, надобно было бы сейчас же взять книгу, и вместе с женою и детьми привести на память, что было говорено; потом уже приступать к делам житейским. Если, вышедши из бани, ты предпочитаешь не ходить на рынок, чтобы там в хлопотах не лишиться пользы от бани, то тем более ты должен поступать так по выходе из церкви. А мы поступаем напротив и от того теряем все. Еще не утвердился в нас совершенно то, что было полезного в сказанном, как сильный поток житейских дел, устремляясь на нас, все уносит с собой и оставляет пустоту. Итак, чтобы этого не было, по выходе из церкви почитай нужнейшим для себя делом привести на память, что было тебе сказано. Да и слишком было бы неразумно на дела житейские употреблять пять или шесть дней, а на дела духовные не уделить и одного дня или даже малой части дня. Не видите ли, как наши дети целый день занимаются уроками, какие им заданы? То же самое будем делать и мы. Иначе не будет для нас никакой пользы ходить сюда, потому что, не прилагая такого же попечения о соблюдении сказанного нам, какое показываем в сбережении золота и серебра, каждый день будем черпать в разбитый сосуд. Приобретший несколько динариев прячет их в мешок и накладывает печать; а мы,

принявши учение, которое многоценнее и золота и дорогих камней, приобретши сокровища Духа, не скрываем их в хранилище души и с крайнею небрежностью даем им вытекать из нашего сердца. Кто же после этого пожалеет об нас, когда сами себе причиняем вред и ввергаем себя в такую бедность? Итак, во избежание этого, и для самих себя, и для наших жен и детей, поставим непременно законом – этот один день в неделе посвящать весь слушанию и припоминанию того, что мы слышали. В таком случае будем сюда приходить с большею готовностью принимать, что будет говорено. И для нас меньше будет труда, и для вас больше пользы, когда станете слушать дальнейшее, содержа в памяти прежде сказанное. Это немало будет способствовать к уразумению того, что говорится, – если именно вы будете хорошо знать порядок мыслей, которые мы предлагаем вам в связи. Так как невозможно высказать всего в один день, то старайтесь сохранить в памяти, что вам предлагается в разные дни, составляйте из этого как бы одну цепь, и облагайте ею душу, чтобы таким образом вышло целое тело Писаний. Поэтому и теперь, припомнив недавно сказанное, приступим к тому, о чем следует говорить.

2. Но о чем же следует теперь говорить? **«А все сие произошло, да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит».** Достойно чуда и достойно самого себя воскликнул ангел, говоря: **«А все сие произошло».** Он видел море и бездну человеколюбия Божия; видел явленным на деле то, осуществления чего никогда нельзя было и ожидать; видел, как законы природы нарушились, примирение совершилось, – Превысший всех нисходит к тому, кто всех ничтожнее, средостение рушится, преграды упраздняются; видел еще и больше того – и в немногих словах выразил чудо: **«А все сие произошло, да сбудется реченное Господом».** Не думай, говорит он, будто это ныне только определено; это в древности было предобразовано, – как то и Павел старался везде показать. Затем (ангел) отсылает Иосифа к Исайи, чтобы, пробудившись, если и забудет его слова, как совершенно новые, будучи вскормлен Писанием, вспомнил слова пророческие, а вместе с ними привел на память и его слова. Он не сказал этого жене, потому что она, как отроковица, была еще неопытна; а предлагает пророчество мужу, как человеку праведному, который углублялся в писания пророков. И сперва говорит он Иосифу: **«Марию, жену твою»;** а теперь, приводя слова пророка, вверяет ему тайну, что она Дева. Иосиф не так скоро успокоился бы мыслями, слыша от ангела, что она Дева, если бы прежде не услышал того от Исайи; от пророка же он должен был выслушать это не как что-либо странное, но как нечто известное и долго его занимавшее. Потому-то ангел, чтобы слова его удобнее были приняты, приводит пророчество Исайи; и не

останавливается на том, но возводит пророчество к Богу, говоря, что это слова не пророка, но Бога всяческих. Потому и не сказал он: да сбудется реченное Исайею, но говорит: «**Да сбудется реченное Господом**». Уста были Исайи, но пророчество дано свыше. Какое же это пророчество? «**Се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил**» (Ис. 7:14). Почему же, скажешь, наречено Ему имя не *Еммануил*, а – **Иисус Христос**? Потому, что не сказано «наречешь», но «**нарекут**», т. е. народы и самое событие. Здесь заимствуется имя от происшествия, как и свойственно Писанию – происшествия употреблять вместо имен. Итак, слова: «**нарекут Еммануил**» означают не что иное, как то, что увидят Бога с человеками. Хотя Бог всегда был с человеками, но никогда не был так явно. Если же иудеи бесстыдно будут упорствовать, то спросим их, какой младенец назван: «Магер-шелал-хаш-баз» («**скоро пленил, нагло расхитил**»)? На это они ничего не могут сказать. Как же пророк сказал: «**Нареки ему имя: Магер-шелал-хаш-баз**» (Ис. 8:3)? Так как после рождения Его случилось, что взяты и разделены добычи, то самое происшествие, при нем бывшее, дается ему вместо имени. Равным образом и о городе говорит пророк, что он наречется «**город правды, столица верная**» («**град правды, мать городов, верный Сион**») (Ис. 1:26); и, однако, нигде не видно, чтобы город этот назывался «правдою», он продолжал называться Иерусалимом. Но так как Иерусалим действительно таковым учинился, когда исправился, то и сказал пророк, что он так назовется. Таким образом, если какое-либо происшествие яснее самого имени показывает того, кто его совершил, или им воспользовался, то Писание действительность события вменяет ему в имя. Если же иудеи, будучи опровергнуты в этом, найдут другое возражение против сказанного о девстве, и представят нам других переводчиков, говоря: они перевели не «дева», а «молодая женщина» (νεανίς), – то наперед скажем им, что семьдесят толковников, по справедливости, пред всеми прочими заслуживают большего вероятия. Те переводили после пришествия Христова, оставаясь иудеями; а потому справедливо можно подозревать, что они сказали так больше по вражде, и с намерением затемнили пророчество. Семьдесят же, которые за сто лет до пришествия Христова, или даже более, предприняли это дело, и притом таким большим обществом, свободны от всякого подобного подозрения; они и по времени, и по многочисленности, и по взаимному согласию, преимущественно заслуживают вероятия.

3. Но если иудеи приведут свидетельство и тех переводчиков, то и тогда победа на нашей стороне. В Писании часто имя юности (νεανιότης) употребляется вместо девства не о женщинах только, но и о мужчинах. "**Юноши**, – говорит оно, – **и девицы, старцы и**

отроки» (Пс. 148:12). И опять, рассуждая о деве, подвергшейся насилию, говорит: если возопит «отроковица» (ὑεανίς), т. е. дева (Втор. 22:27). То же значение подтверждают и предыдущие слова пророка. В самом деле, пророк не просто говорит: «**Се, Дева во чреве примет**»; но, сказавши наперед: «**Итак Сам Господь даст вам знамение**» (Ис. 7:14), потом присовокупил: «**Се, Дева во чреве примет**». Если бы не дева надлежало родить, но произошло бы рождение по закону брака, то такое происшествие как могло быть знамением? Знамение должно выходить из обыкновенного порядка, быть чем-то странным и необычайным. Иначе, как оно будет знамением? «**Встав от сна, Иосиф поступил, как повелел ему Ангел Господень**» (Мф. 1:24). Видишь ли послушание и покорный ум? Видишь ли человека решительного, и во всем прямодушного? Когда он подозревал Деву в чем-то неприятном и неприличном, то не хотел держать ее у себя. Когда же освободился от такого подозрения, не только не захотел выслать ее, но держит и делается служителем воплощения. "**И принял, – говорит Писание, – жену свою**". Видишь ли, как часто евангелист употребляет это имя, не желая до времени открыть тайну девства, чтобы устранить всякое худое подозрение?

Принявши же ее, «**и не знал Ее**» до тех пор пока (или пока, доколе) "**какнаконец Она родила Сына Своего первенца**» (Мф. 1:25). Здесь евангелист употребил слова «до тех пор пока»⁴; но ты не подозревай из того, будто Иосиф после познал ее. Евангелист дает этим только знать, что Дева прежде рождения была совершенно неприкосновенною. Почему же, скажут, употребил он слово: «пока»? Потому, что в Писании часто так делается. Это слово не означает определенного времени. Так и о ковчеге сказано: «**Выпустил ворона, который, вылетев, отлетал и прилетал, пока осушилась земля от воды**» (Быт. 8:7, 14), хотя он и после не возвратился. Также о Боге Писание говорит: «**Ты нам прибежище в род и род**» (Пс. 89:2), но тем не полагает пределов. И опять, когда, благовествуя, говорит: «**Во дни его процветет праведник, и будет обилие мира, доколе не престанет луна**» (Пс. 71:7), тем не означает конца для этого прекрасного светила. Так и здесь евангелист употребил слова «до тех пор пока» в удостоверение о том, что было прежде рождения. Что было после рождения, о том предоставляет судить тебе самому. Что тебе нужно было узнать от него, то он и сказал, то есть, что Дева была неприкосновенною до рождения. А что само собою видно из сказанного, как верное следствие, то предоставляет собственному твоему размышлению, то есть, что такой праведник (каков Иосиф) не захотел познать Деву после того, как она столь чудно соделалась матерью и удостоилась и родить неслыханным образом, и произвести необыкновенный плод. А если бы он познал ее и

действительно имел женою, то для чего бы Иисусу Христу поручать ее ученику как безмужнюю, никого у себя не имеющую, и приказывать ему взять ее к себе? Но скажут: как же Иаков и другие называются братьями Иисуса Христа? Так же, как и сам Иосиф был почитаем мужем Марии. Многими завесами до времени сокрываемо было рождение Христово. Потому и Иоанн назвал их также (братьями), говоря: «Ибо и братья Его не веровали в Него» (Ин. 7:5). Впрочем, прежде неверовавшие сделались после достойными удивления и славными. Так, когда Павел прибыл в Иерусалим для рассуждения о вере, тотчас явился к Иакову, который так был уважаем, что его первого поставили епископом. Рассказывают также, что он вел такую строго-подвижническую жизнь, что все члены его омертвели, что от непрерывной молитвы и беспрестанных земных поклонов лоб у него отвердел до такой степени, что жесткостью не отличался от колен верблюда. Он и Павла, который после опять приходил в Иерусалим, вразумляет, говоря: «Видишь, брат, сколько тысяч уверовавших» собравшихся (Деян. 21:20)? Так велико было его благоразумие и ревность, а лучше сказать: так велика была сила Христова! В самом деле, те, которые поносили Христа во время земной Его жизни, по смерти Его так возревновали о Нем, что совершенно готовы были даже умереть за Него, – что и показывает особенно силу воскресения. Для того славнейшее и соблюдено к концу, чтобы доказательство было несомненно. Если тех, которым дивимся при жизни, забываем по смерти, то как же хулившие Христа при жизни признали Его после Богом, если Он был обыкновенный человек? Как бы решились идти за Него на смерть, если бы не имели ясного доказательства воскресения.

4. Говорю об этом не для того, чтобы вы только слышали, но чтобы и подражали мужеству, дерзновению и всякой добродетели; чтобы никто не отчаивался в самом себе, хотя прежде того был ленив, и чтобы, после милосердия Божия, ни на что другое не надеялся, как только на собственную добродетель. Если сродники Христовы, жившие со Христом в одном доме и отечестве, не получили от этого никакой пользы, пока не явили в себе добродетели, то как можем получить прощение мы, если, представляя за себя ходатаями праведных своих родственников и братьев, сами не будем добронравны и утверждены в добродетели? На это указывает пророк, когда говорит: «брат не избавит, избавит ли человек» (Пс. 48:8), хотя бы то был Моисей, или Самуил, или Иеремия? Послушай, что говорит Бог Иеремии: «Не проси за этот народ и не возноси за них молитвы», так как не послушаю тебя (Иер. 11:14). И что дивишься, если Я тебя не слушаю? Хотя бы предстал сам Моисей и Самуил, то Я не принял бы и их прошения об этих людях.

Хотя Иезекииль станет молиться, – и он услышит, что если предстанет Ной, Иов и Даниил, то сынов и дочерей их не избавят ([Иез. 14:14, 18](#)). Хотя патриарх Авраам будет ходатаем за неисцельно больных и нераскаянных, – Господь, оставив его, удалится, чтобы не слышать его моления о них ([Быт. 18:33](#)). Хотя и Самуил будет также предстательствовать, – Господь скажет ему: не плачь о Сауле ([1Цар. 16:1](#)). Хотя и о сестре кто станет молиться безвременно, – услышит то же, что и Моисей: «Если бы отец ее плюнул ей в лицо» ([Числ. 12:14](#)). Не станем же слишком уповать на других. Молитвы святых имеют очень великую силу, но только когда мы сами раскаиваемся (во грехах) и исправляемся. И Моисей, избавивши некогда брата своего и шестьдесят тысяч от угрожавшего им гнева Божия, не мог избавить сестру, хотя и [грех](#) не равен был. Мариам оскорбила Моисея, Аарон же с народом отважились на явное нечестие. Но об этом предоставляю подумать вам самим, а я постараюсь решить еще более трудный вопрос. В самом деле, стоит ли говорить о том, что Моисей не мог умолить за сестру, когда этот предстатель многочисленного народа не в силах был пособить себе самому? После бесчисленных трудов и бедствий, после сорокалетних попечений о народе ему возбранен был вход в ту землю, о которой было столько предсказаний и обетований. Какая же тому была причина? Та, что допущение Моисея в обетованную землю не только не принесло бы пользы, но произвело бы большой вред и для многих иудеев послужило бы соблазном. Если они за одно избавление из Египта, оставивши Бога, стали искать всего в Моисее и ему все приписывать, то до какого бы нечестия не дошли они, когда бы увидели, что он ввел их в землю обетованную? Потому-то и место погребения его осталось неизвестным. И Самуил не мог избавить Саула от гнева Божия, хотя часто спасал израильтян. И Иеремия не помог иудеям ([2Мак. 15:15](#)), хотя в другое время укрепил одного пророчеством. Даниил избавил варваров от поражения, но не спас иудеев от плена ([Дан. 2](#)). И в Евангелии мы видим, что не с разными людьми, но с одними и теми же случалось то и другое: один и тот же мог иногда спасти себя, а иногда нет. Задолжавший, например, тысячи талантов однажды усиленною просьбою избавил себя от опасности, а в другое время не мог. Другой же напротив: сперва подвергся опасности, а потом нашел вернейшее средство помочь себе. Кто же это такой? Расточивший отеческое имение. Итак, если мы сами о себе нерадим, то чрез других не спасемся. Если же будем неусыпны, то и сами собою достигнем спасения; даже сами собою спасемся вернее, нежели чрез других. Подлинно, Богу приятнее давать благодать непосредственно нам, а не другим для нас, чтобы, стараясь сами отвратить гнев Его, делали мы дерзновеннее и добродетельнее. Так Он помиловал хананеянку, так

спас блудницу, так спас разбойника, хотя не было никакого за них предстателя и ходатая.

5. Впрочем, говорю это не для того, чтобы не призывать святых в молитвах, но для того, чтобы мы не ленились, и, предавшись беспечности и сну, не возлагали только на других того, что должны делать сами. И Христос, сказав: «**Приобретайте себе друзей**», не остановился на этом, но присовокупил: «**богатством неправедным**», требуя тем и твоего содействия (Лк. 16:9), – поскольку здесь Он разумел не что иное, как милостыню. И что удивительно, Он ничего уже не взыскивает с нас, если только мы отступим от неправды, потому что слова Его имеют такой смысл: ты приобрел худо – истрать хорошо. Собрал неправедно – расточи праведно. Что, кажется, за добродетель – раздавать из имения, неправедно приобретенного? И однако Бог, по человеколюбию Своему, снисходит до того, что обещает нам многие блага даже и за такие дела. Но мы до такого доходим бесчувствия, что ничего не уделяем и из приобретенного неправедно; напротив, грабя тысячами, думаем, что все уже сделали, подав малую долю. Разве не слышал ты, что говорит Павел: «**Кто сеет скуп, тот скуп и пожнет**» (2Кор. 9:6)? Итак, что ты скупишься? Сеяние ужели есть трата, ужели убыток? Нет! Это доход и прибыль. Где сеяние, там и жатва; где сеяние, там и приращение. Возделывая тучную и мягкую землю, которая может принять в себя много семян, ты засеваешь ее всеми своими семенами и берешь еще займы у других, потому что скупость в этом случае считаешь убытком. А когда надобно возделывать небо, которое не подвержено никакой воздушной перемене и все, вверенное ему, несомненно, возрастет с большим приращением, ты ленишься, медлишь и не думаешь о том, что сберегая, теряешь, а расточая, приобретаешь. Итак, сей, чтобы не потерять; не береги, чтобы сберечь; рассыпай, чтобы сохранить; трать, чтобы приобрести. Хотя и нужно было бы что сберечь, ты не береги, потому что непременно это погубишь, а поручи Богу, у Которого никто не похитит. Сам не торгуй, потому что не умеешь получать прибыли; но большую часть капитала отдай займы Тому, Кто дает рост, отдай займы туда, где нет ни зависти, ни клеветы, ни обмана, ни страха. Отдай займы Тому, Кто сам ни в чем не нуждается, но терпит нужду для тебя; Кто всех питает, но алчет для того, чтобы ты не был голоден, обнищал для того, чтобы ты обогатился. Отдай займы туда, откуда ты получишь не смерть, но жизнь вместо смерти. За такой только рост можешь приобрести себе царство, а за всякий другой получишь геенну, потому что тот рост показывает сребролюбие, а этот – любомудрие; тот – дело жестокости, а этот – человеколюбия. И чем оправдаемся, когда, имея возможность получить большее и притом с твердою уверенностью получить в

надлежащее время, с полной свободой, без укоризны, без страха, без опасностей, пренебрегаем этими благами, а гоняемся за тем, что постыдно, ничтожно, обманчиво, тленно, и уготовляет нам печь огненную?

Ничего, ничего нет постыднее и жестокосерднее, как брать в рост здесь на земле. В самом деле, ростовщик обогащается за счет чужих бедствий, несчастье другого обращает себе в прибыль, требует платы за свое человеколюбие, и, как бы боясь показаться немилосердным, под видом человеколюбия роет яму глубже; помогая, теснит нищего; подавая руку, толкает его; по видимому вводит в пристань, а в то же время подвергает крушению, как бы направляя на скалы, утесы и подводные камни. Но чего требуешь ты, скажут? Того ли, чтобы, собранные мною и мне самому нужные деньги, отдать в распоряжение другому и не требовать за то никакой платы? Нет, я не говорю этого; напротив, весьма желаю, чтобы ты получил плату, – только не малую, и не ничтожную, но гораздо большую; желаю, чтобы ты в рост за золото приобрел небо. Итак, для чего ты сам себя подвергаешь нищете, прилепляясь к земле, и вместо большего ищешь малого? Это доказывает, что ты не умеешь обогатиться. Когда Бог за малое имущество обещает тебе небесные блага, ты говоришь: не давай мне неба, а дай мне вместо неба скоро гибнущее золото. Это значит, что ты произвольно хочешь остаться в нищете. Кто ревнует об истинном богатстве и обилии, тот вместо скорогибнущего изберет негибнущее, вместо изживаемого – неизживаемое, вместо немногого – многое, вместо тленного – нетленное, – а за такими благами последуют и те, кто вместо неба ищет землю, тот и ее непременно потеряет; а кто предпочитает небесное земному, тот и тем, и другим насладится с великим избытком. Чтобы и нам достичь этого, презревши все здешнее, изберем будущие блага, и таким образом получим и то, и другое, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

* * *

4

Церковносл. «дондеже». В синодальном тексте это слово переведено «как наконец». – Редакция «Азбуки Веры»

.....

Всего 90 бесед...